

Габорио Э.

ДЕЛО № 113

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Золотая библиотека детектива

Эмиль Габорио

Дело № 113

«Алгоритм»

1867

УДК 82/89
ББК 84(4Фр)

Габорио Э.

Дело № 113 / Э. Габорио — «Алгоритм», 1867 — (Золотая библиотека детектива)

ISBN 978-5-486-02928-8

Эмиль Габорио (1832–1873) – французский писатель, один из основателей детективного жанра. Его ранние книги бытового и исторического плана успеха не имели, но зато первый же опыт в детективном жанре («Дело Леруж», 1866 г.) вызвал живой отклик в обществе, искавшем «ангела-хранителя» в лице умного и ловкого сыщика. Им то и стал герой почти всех произведений Габорио, полицейский инспектор Лекок. Влияние Габорио на европейскую литературу несомненно: его роман «Господин Лекок» лег в основу книги Коллинза «Лунный камень»; Стивенсон подражал ему в детективных новеллах (особенно в «Бриллианте раджи»); прославленный Конан Дойл целиком вырос из творчества Габорио, и Шерлок Холмс – лишь квинтэссенция типа сыщика, нарисованного им; Эдгар Уоллэс также пользовался наследием Габорио, не говоря уже о бесчисленных мелких подражателях. Публикуемый здесь роман «Дело № 113» типичен для Габорио. Абсолютно не имеет значения, где совершено преступление – в городских кварталах или в сельской глуши. Главное – кто его расследует. Преступникам не укрыться от правосудия, когда за дело берется инспектор Лекок. Его изощренный ум, изысканная логика и дедуктивный метод помогают сыщику раскрывать самые невероятные преступления.

УДК 82/89
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-02928-8

© Габорио Э., 1867

© Алгоритм, 1867

Содержание

Глава I	7
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	23
Глава V	29
Глава VI	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эмиль Габорио

Дело № 113

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

Глава I

Во всех вечерних газетах в среду 28 февраля 186... года, в отделе хроники, было напечатано следующее:

«Сегодня утром вся улица Прованс была взволнована дерзкою кражей, совершенной у почтенного парижского банкира господина Андре Фовеля. С необыкновенной дерзостью злоумышленники проникли в контору и, взломав кассу, которая считалась положительно несокрушимой, похитили из нее банковые билеты на сумму 350 тысяч франков.

Тотчас же прибыла полиция, ревностно принявшаяся за поиски, которые и увенчались успехом; передают, что в краже заподозрен один из приказчиков банкирского дома П. Б., который уже и арестован. Можно надеяться, что и его сообщники скоро попадут в руки правосудия».

Целых четыре дня Париж не мог успокоиться и только и говорил, что об этой краже.

350 тысяч были действительно похищены у господина Андре Фовеля, но несколько иначе, чем описывалось в газетах. Приказчик был действительно арестован, но только в виде предупреждения и пресечения, так как против него не нашлось ни одной положительной улики. Такое громадное воровство так и осталось загадочным и необъяснимым.

Касса открывалась посредством замка с алфавитом. Прежде чем воткнуть ключ в скважину, нужно было расставить буквы в том самом порядке, в каком они находились в тот момент, когда касса запиралась. Как и везде в таких случаях, господин Фовель запирает кассу на какое-нибудь слово, которое он время от времени менял. Это слово было известно только одному банкиру и его кассиру. Каждый из них имел свой особый ключ. Слово это было: «Сезам, откройся!». Касса открывалась при наборе этого слова. И было бы очень опасно позабыть его.

Глава II

28 февраля приказчики банкирского дома сошлись на службу по обыкновению к девяти часам утра. В половине десятого каждый из них уже сидел за своим столом, когда в контору вошел какой-то господин.

Он спросил, может ли он видеть главного кассира. Ему ответили, что кассира еще нет и что касса открывается только в десять часов утра.

– Я полагал, – сказал господин, – что распоряжение уже сделано, так как я говорил вчера с господином Фовелем. Я – граф Луи Кламеран, владелец Олоронских каменноугольных копей; я пришел взять от вас тридцать пять тысяч франков, порученных вашему дому моим покойным братом, которому я наследую по закону. Странно, что до сих пор еще не сделано распоряжений...

– Кассира еще нет... – отвечали ему приказчики. – Без него мы ничего не можем.

– Тогда отведите меня к господину Фовелю!

Приказчики не знали, что ему ответить, пока, наконец, один из них, Кавальон, не сказал ему:

– Хозяин только что вышел... Его нет.

– Тогда я зайду в другой раз! – проворчал Кламеран.

И он вышел, даже не сняв на прощание шляпы.

– Этаким ведь невежа! – огрызнулся ему вслед Кавальон. – А вот как раз и Проспер!

Вошел кассир Проспер Бертоми, главный кассир банкирского дома Андре Фовеля, – красивый, высокий блондин тридцати лет, одетый по последней моде.

– Ах, вот и вы! – воскликнул Кавальон. – Уж вас здесь спрашивали.

– Кто это? Уж не владелец ли каменноугольных копей?

– Он самый.

– Ну что ж! Зайдет в другой раз! Мне сегодня не удалось прийти пораньше, поэтому я еще вчера принял меры...

Весело болтая, Проспер открыл свой кабинет и вошел в него, затворив за собою дверь. Затем дверь эта вдруг отворилась, и в ней показался кассир, еле держась на ногах.

– Украли! – пробормотал он. – Меня ограбили!..

Физиономия Проспера, его хриплый голос и дрожь показывали в нем такое волнение, что все приказчики повскакивали со своих мест и окружили его.

– Украли? – посыпались вопросы. – Где, как, кто?

Мало-помалу Проспер пришел в себя.

– Утащили все, что было в кассе, – сказал он наконец.

– Неужели все?

– Да, три пакета по сто билетов, в тысячу франков каждый, и один – в пятьдесят билетов. Все четыре пакета были вместе завернуты в лист бумаги и перевязаны веревкой.

Весть о воровстве с быстротою молнии облетела весь банкирский дом. Любопытные сбегались со всех сторон и наполнили кабинет.

– Осмотрите кассу! – сказал Кавальон. – Цела ли она?

– Совершенно цела.

– И тем не менее...

– И тем не менее случилось то, что я вчера сам лично вложил в кассу триста пятьдесят тысяч франков, а сегодня их уже нет.

Все молчали. Только один старый приказчик нарушил это молчание.

– Не теряйте голову, господин Бертоми, – сказал он. – Весьма возможно, что деньгами распорядился сам хозяин.

Несчастный кассир воспрянул духом. Он ухватился за эту идею.

– Да, – воскликнул он. – Вы правы! Это хозяин.

А затем в глубоком отчаянии он продолжал:

– Нет, это невозможно! За все пять лет моей службы господин Фовель никогда не открывал кассу без меня. Два или три раза ему как-то понадобились деньги, и он в эти разы или дожидался меня, или же посылал за мною. Но без меня он кассу не открывал ни разу.

– А все-таки вы обратитесь к нему, – возразил другой приказчик, Кавальон. – Нечего отчаиваться!

Андре Фовель тем временем уже сидел у себя в кабинете. Один из писцов поднялся к нему и рассказал ему обо всем. В то самое время как Кавальон советовал обратиться к нему, он уже появился в дверях. Новость, сообщенная ему писцом, поразила его, потому что, обыкновенно розовый, он был бледен как полотно.

– Что такое? – спросил он у приказчиков, которые почтительно расступились перед ним. – Что случилось?

– Милостивый государь, – обратился к нему кассир, – в виду платежа, который, как вам известно, мы должны были совершить сегодня, я взял вчера вечером из банка триста пятьдесят тысяч франков.

– Почему вчера? – воскликнул банкир. – Кажется, тысячу раз я просил вас брать из банка деньги только в день платежа, а не накануне.

– Я знаю это, господин Фовель, мне очень грустно, но случилось именно так. Вчера вечером я положил туда эти деньги, а сегодня их уже нет. Тем не менее касса цела.

– Вы с ума сошли! – закричал Фовель. – Вы бредите!

Эти слова уничтожили всякую надежду, но ужас положения придал Просперу ту безучастную подавленность, которая является следствием неожиданных катастроф.

– Я еще в своем уме, – отвечал он почти спокойно, – я не брежу и говорю только то, что есть.

Его спокойный тон вывел из себя Фовеля. Он схватил его за руку и грубо потряс ее.

– Говорите же! – закричал он. – Говорите! Кто же, по-вашему, отпер кассу?

– Не знаю.

– Кроме вас и меня, больше никто на свете не знал слова. Ключи от кассы только у вас и у меня.

Это было уже формальным обвинением, по крайней мере, так поняли все.

– Во всяком случае, не я взял эти деньги, – отвечал Проспер.

– Несчастный...

Проспер отступил на шаг и, уставившись на Андре Фовеля, прибавил:

– Это вы!

Банкир угрожающе поднял руку, и неизвестно, чем бы это закончилось, если бы вдруг не послышался резкий разговор в передней. Кто-то хотел войти и, несмотря на протесты прислуги, все-таки вошел. Это был Кламеран. Он ничего не хотел знать и, не снимая шляпы, направился к кассе и тем же грубым тоном сказал:

– Уже десять часов пробило, господа!

Никто не отвечал ему. Тогда он направился прямо к банкиру и закричал на него:

– Наконец-то, милостивый государь, мне посчастливилось увидеть вас! Сегодня утром я уже был у вас, но касса оказалась еще запертой; кассир еще не приходил, и вас самого не было тоже.

– Вы ошибаетесь, я сидел у себя в кабинете.

– Меня уверяли в противоположном, и вот господин, который мне сказал, что вас вовсе не было в конторе!

И он указал на Кавальона.

– Но этого мало, – продолжал он. – Я прихожу сюда вновь, и на этот раз меня даже не хотят впускать сюда. Скажите прямо: могу я получить мои деньги или нет?

Фовель задрожал от гнева и покраснел от стыда.

– Я попросил бы у вас одолжения, – отвечал он наконец упавшим голосом, – дать мне маленькую отсрочку.

– Но ведь вы сами сказали мне, что...

– Да, вчера. Но сегодня утром я узнал, что меня обокрали на триста пятьдесят тысяч франков.

– И долго мне еще придется ждать? – спросил с иронией Кламеран.

– Пока не съездят в банк.

И тотчас же, повернувшись спиной к Кламерану, Фовель обратился к кассиру:

– Заготовьте немедленно ордер, – сказал он. – Пошлите его как можно скорее. Прикажите взять карету, чтобы не растерять по дороге и эти деньги!

Проспер не шевелился.

– Вы слышите? – повторил ему банкир, едва сдерживая себя.

Кассир задрожал.

– Бесплезно посылать в банк, – холодно отвечал он. – Ваш текущий счет в банке составлял около пятисот тысяч франков, и теперь там осталось чуть больше ста тысяч.

– Отличная комедия! – пробормотал Кламеран. – Но это только комедия и больше ничего. Я ведь тоже не дурак!

– Будьте покойны, милостивый государь, – обратился к нему банкир, – у меня есть и другие источники для платежа. Подождите немного, я сейчас выйду.

И он пошел к себе в кабинет и через пять минут снова возвратился из него, держа в руках письмо и связку документов.

– Кутюрье, – обратился он одному из приказчиков. – Возьмите мою карету и поезжайте вместе с господином Кламераном к Ротшильду. Передайте ему это письмо и документы. Вам выдадут там триста тысяч франков. Вручите их этому господину. Живо!

А затем, приказав приказчикам заняться делом, банкир после долгого молчания обратился к Просперу:

– Нам нужно объясниться, – сказал он, – пойдите к себе в кабинет.

Кассир молча повиновался. За ним последовал банкир, затворив за собою дверь. Здесь он подставил стул и приказал кассиру сесть.

– А теперь, когда мы одни, Проспер, – начал он, – что вы мне можете рассказать?

Кассир вздохнул.

– Ровно ничего, – отвечал он.

– Как? Ничего? Вы все еще настаиваете на этой нелепой, смешной басне, которой никто не поверит? Как это глупо! Признайтесь мне во всем, в этом ваше спасение. Я ваш хозяин, но я также и ваш друг, ваш лучший друг! Я не должен забывать того, что вот уже пятнадцать лет, как вы поручены мне вашим отцом, и что с тех пор вы служили мне верой и правдой. Да, вы уже пятнадцать лет у меня. На ваших глазах я нажил свое состояние, трудясь упорно и постепенно. И по мере того как я богател, я улучшал и ваше положение: еще такой молодой, вы уже у меня служите старшим приказчиком. С каждым успехом своим я увеличивал и ваше содержание.

Никогда еще патрон не разговаривал с Проспером таким ласковым, отеческим тоном. Глубокое удивление овладело кассиром.

– Ну, скажите, – продолжал господин Фовель. – Разве я не был для вас вторым отцом? С самого первого дня мой дом был вашим домом. Я хотел, чтобы моя семья была вашей. Вы были моим сыном наравне с обоими моими сыновьями и племянницей Мадленой. Но вы предпочли этой счастливой жизни другую... Вот уже скоро год, как вы начали нас избегать, и наконец...

Воспоминания о прошедшем, разбуженные банкиром, пронесли в душе несчастного кассира; мало-помалу он растрогался и, закрыв лицо руками, заплакал.

– Своему отцу все можно сказать, – продолжал Андре Фовель, которого тронули эти слезы. – Не бойтесь! Отец не прощает, а забывает. Разве я не знаю тех ужасных искушений, которые овладевают каждым молодым человеком в таком городе, как Париж. Его чары сломили не одну сильную волю. Бывают минуты страсти и увлечения, когда человек теряет контроль над собой, когда он поступает как сумасшедший, точно под гипнозом, не сознавая своих поступков. Говорите же, Проспер, говорите.

– Что же мне вам сказать?

– Правду. Человек честный может споткнуться, но он не уронит себя далее и всегда сознает свою ошибку. Скажите мне: «Да, я увлекся, я был ослеплен видом этой массы золота, которое было мне поручено, оно смутило мой рассудок, я молод, и у меня есть свои грешки...»

– У меня! – пробормотал Проспер, – у меня!

– Бедный малый, – продолжал печально банкир. – Неужели вы думаете, что я терял вас из виду весь этот год, когда вы перестали бывать у меня? У вас есть завистники, которые не могут простить вам того, что вы получаете жалованья двенадцать тысяч в год. О каждой вашей шалости я уже получаю анонимное письмо. Я могу пересчитать по пальцам каждую из ваших ночей, когда вы играли и сколько вы проиграли. У зависти есть свои глаза и уши, мой милый...

Он остановился, отчаявшись в признании.

– Смелее, Проспер, – начал он опять. – Будьте добрым! Сейчас я выйду, а вы вновь осмотрите кассу. Бьюсь об заклад, что в состоянии волнения вы плохо ее оглядели. Вечером я приду к вам, и я уверен, что вы отыщете в ней если и не все триста пятьдесят тысяч франков, то большую часть этих денег. И ни я, ни вы – даже и виду не подадим о том, что случилось.

Господин Фовель уже направился к двери, но Проспер удержал его за руку.

– Ваше великодушие бесполезно, – с горечью сказал он. – Я ничего не брал и нечего мне и возвращать. Я все обыскал в кассе, и денег в ней не оказалось. Их кто-то украл.

– Но кто, несчастный, кто?

– Клянусь всем святым, что не я!

Краска разлилась по лицу банкира.

– Так значит я? – воскликнул он.

Проспер опустил голову и не отвечал.

– Я сделал все, чтобы вас спасти, – сказал банкир. – А теперь теперь я должен позвать полицию.

– Зовите!

Банкир открыл дверь и, бросив последний взгляд на кассира, отдал приказание:

– Ансельм, пригласите сюда полицейского комиссара!

Глава III

Полицейский комиссар не замедлил явиться.

– Без сомнения, до вас уже дошли сведения, – обратился к нему банкир, – о тех обстоятельствах, которые понуждают меня обратиться к вашим услугам?

– Кажется, у вас совершена кража? – отвечал комиссар.

– Да, гнусная, загадочная кража, в этой самой комнате, из этой самой кассы, в которой лежали все наши деньги и отпереть которую мог один только мой кассир.

И он указал на Проспера.

– Виноват, господин комиссар, – сказал Проспер хриплым голосом. – Кассу мог отпирать также и мой хозяин, так как у него также имеются ключи от нее и ему также известно слово, на которое запирается касса.

Комиссар насторожился. Очевидно было, что эти два господина сваливали вину один на другого.

По их собственному признанию, один из них непременно должен был оказаться преступником. И один из них был главою значительного банкирского дома, а другой – только простым кассиром. Один был хозяином, а другой приказчиком. Но комиссар отлично умел разбираться в своих впечатлениях и ни одним жестом не дал понять о том, что он думал. Он только пытливо поглядывал то на того, то на другого, точно своим вниманием стараясь выяснить из их слов наиболее полезное для дела. Проспер по-прежнему был бледен и угнетен, а банкир, напротив, был красен как рак и страшно возбужден.

– Похищено на громадную сумму, – продолжал Фовель. – У меня украли триста пятьдесят тысяч франков! Эта кража может повлечь за собою гибельные для меня последствия. В настоящее время лишение такой суммы денег может скомпрометировать кредит любой значительной фирмы.

– Думаете ли вы, что вор проник со двора? – спросил комиссар.

Банкир с минуту подумал.

– Нет, – сказал он, – я этого не думаю.

– Я тоже полагаю, что нет, – отвечал и Проспер.

Комиссар предвидел эти ответы, он ожидал их. И, обратившись к сопровождавшему его человеку, он сказал:

– Господин Фанферло, быть может, что-нибудь ускользнуло из внимания этих господ – осмотрите хорошенько!

Фанферло, прозванный за расторопность Белкой, обыскал все кругом, осмотрел двери, ощупал перегородки, исследовал форточку, поковырял пепел в камине.

– Трудно предположить, – сказал он наконец, – чтобы сюда мог проникнуть кто-нибудь извне.

И он прошелся по кабинету.

– Эта дверь по вечерам запирается? – спросил он.

– Постоянно на ключ.

– А у кого остается ключ?

– Я оставляю его каждый вечер у служителя, который убирает кабинет, – отвечал Проспер.

– У служителя, – добавил и Фовель, – который каждый вечер подвязывает у порога гамак, спит на нем и каждое утро его убирает.

– Он здесь? – спросил комиссар.

– Да, – отвечал банкир и, отворив дверь, закричал: – Ансельм!

Ансельм служил у Фовеля уже десять лет и пользовался доверием. Он не мог быть заподозрен и знал это. Но так как самая мысль о преступлении ужасна, то дрожал и он.

– Вы спали эту ночь у порога? – спросил его комиссар.

– Да, по обыкновению, сударь...

– В котором часу вы легли?

– Около половины одиннадцатого. Вечер я просидел в соседнем кафе с лакеем господина Фовеля.

– И вы не слышали никакого шума сегодня ночью?

– Какой же мог быть сегодня шум? Я очень чутко сплю, и всякий раз, когда хозяин спускается вниз осмотреть кассу, я моментально вскакиваю, едва только слышу его шаги.

– И часто по ночам приходит к кассе господин Фовель?

– Нет, напротив, очень редко.

– А в эту ночь?

– Я могу положительно утверждать, что господин Фовель не приходил, так как от выпитого с лакеем кофе я страдал бессонницей.

– Отлично, любезный, можете идти.

Ансельм вышел. Фанферло возобновил свои исследования. Он отворил дверь, ведущую на маленькую лестницу к банкиру.

– Куда ведет эта лестница? – спросил он.

– В мой кабинет, – отвечал Фовель.

– Надо ее осмотреть, – сказал Фанферло.

– Это очень легко, – отвечал с готовностью Фовель. – Пожалуйста, господа! Идите и вы, Проспер.

Кабинет Фовеля состоял из двух половин: в одной была роскошно убранная приемная, а другая составляла собственно кабинет. В этих двух комнатах было три двери: одна вела на указанную потайную лестницу, другая в спальную банкира, а третья выходила на парадную лестницу. Через эту последнюю к банкиру входили клиенты и визитеры.

Фанферло одним взглядом окинул комнату, и его огорчило, что и здесь ясности не добавилось.

– Посмотрим с другого конца, – сказал он и вышел в приемную. За ним пошли комиссар и банкир.

Проспер остался один в рабочем кабинете. Он опустился в кресло, стоявшее перед камином, и предался своим мрачным мыслям. Кто-то теперь окажется действительно виновным?

В это время отворилась дверь из спальни банкира, и в ней показалась девушка замечательной красоты. Это была племянница Андре Фовеля, Мадлена, о которой он так недавно упоминал.

Увидав Проспера Бертоми в том кабинете, где она ожидала встретить только одного дядю, она не могла сдержаться и вскрикнула от удивления:

– Ах!

Проспер вскочил, точно пораженный громом.

– Мадлена! – воскликнул он. – Мадлена!

Молодая девушка покраснела, сна хотела уже удалиться и сделала шаг назад, но Проспер, будучи не в силах побороть себя, бросился к ней, она протянула руку, и он почтительно ее пожал. Некоторое время они стояли неподвижно и молчали. В волнении они опустили голову, боясь посмотреть друг другу в глаза; имея столько сказать, они не знали, с чего им начать, и молчание продолжалось.

– Это вы, Проспер, вы? – начала наконец Мадлена.

– Да, это я, Проспер, – отвечал он, – друг вашего детства, заподозренный, обвиненный сегодня в постыдном, грязном воровстве. Это Проспер, которого ваш дядя предает суду и который еще до вечера будет арестован и посажен в тюрьму.

Мадлена испугалась, и глаза ее засветились состраданием.

– Боже мой! – воскликнула она. – Что вы говорите?

– А разве вы еще об этом ничего не знаете? Вам ничего не говорили ни тетя, ни двоюродные братья?

– Ради бога, что случилось? Я ничего еще не знаю!

Кассир медлил. Быть может, ему хотелось открыть перед Мадленой свое сердце, свои сокровенные мысли, напомнить ей о прошедшем, которое разбило ему жизнь, лишило его веры. Он встряхнул головой и сказал:

– Благодарю вас и за это участие. Это последнее ваше участие ко мне, но позвольте мне избавить вас от неприятности выслушивать горе, а меня от возможности краснеть перед вами.

Мадлена сделала повелительный жест.

– Я все желаю знать, – сказала она.

– Увы, – отвечал кассир, – скоро вы и без меня узнаете о моем несчастье и позоре. И тогда вы поймете, что вы сделали.

Она настаивала, затем она стала его умолять, но Проспер оставался непоколебимым.

– В той комнате ваш дядя, – отвечал он. – Вместе с ним полицейский комиссар и сыщик; они могут сюда войти... Умоляю вас, уходите, иначе вас увидят...

С этими словами, несмотря на ее сопротивление, он вывел ее за дверь и затворил ее за нею.

В это время возвратились полицейский комиссар и Фовель. Они осматривали приемную и парадную лестницу и потому не могли слышать того, что происходило в кабинете. Но за них все услышал Фанферло. Эта превосходная ищейка ни на минуту не упускала из виду кассира. Предоставив розыски комиссару и Фовелю, он принялся за наблюдения. Он видел, как отворилась дверь и вошла Мадлена, и не проронил ни взгляда, ни одного жеста в той быстрой сцене, которая произошла между Проспером и Мадленой.

«Так, так... – думал он. – Молодой человек любит эту девушку, которая чертовски хороша. Он сам тоже красив и пользуется взаимностью. Этому роману банкир не сочувствует, что очень понятно, и, не зная, как отделаться от этого влюбленного кассира по чести, он и придумал эту комедию, и довольно-таки удачно».

Таким образом, по мысли Фанферло, банкир сам себя обокрал, а невиновный кассир оказался только козлом отпущения. Но это убеждение полицейского агента в данный момент было мало полезно для Проспера!

«Пусть все идет, как идет, – продолжал сыщик, – а я останусь в стороне со своим особым мнением. Стоит только пошпионить еще немножко, и я сорву маску с этого негодяя».

Успех казался трудным, сомнительным, но Фанферло верил в свой гений.

Покончив с осмотром верхнего этажа, перешли опять в кабинет Проспера. Комиссар, спокойный в начале, стал выказывать признаки тревоги. Приближался момент принять то или другое решение, он не решался его принять и нарочно медлил.

– Как видите, господа, – начал он, – наши исследования привели нас к первым предположениям. Какого вы мнения, господин Фанферло?

Сыщик не отвечал. Занятый осмотром в увеличительное стекло замка в кассе, он стал делать жесты, полные удивления. Без сомнения, он напал на след. Комиссар, Фовель и Проспер подскочили к нему.

– Что такое? – спросил банкир.

– Так, пустяки... – отвечал сыщик. – Я пришел к заключению, что эта касса была отперта или заперта сегодня ночью, я не знаю как, но только силою и очень второпях.

- Как так? – спросил комиссар.
- Видите эту царапину на дверце, которая бежит от замка?
- Вижу, но что же из этого?
- Ровно ничего. Это именно то, на что я и хотел указать.

Но мысли Фанферло были совсем иного сорта. Эта царапина, свежая, чего нельзя было отрицать, имела для него свое особое значение, которое было непонятно для других. Она убедила его, что кассир, укради он из кассы хоть миллион, не мог бы сделать ее уже в силу привычки отпирать замок. Наоборот, банкир, приходя ночью, тайком, боясь разбудить служителя у порога, имел основания дрожать, торопиться и, попадая ключом мимо скважины, мог сделать указанную царапину!

– Я прихожу к заключению, – обратился сыщик к комиссару, – что никто чужой сюда проникнуть не мог. Для посторонних эта касса совершенно недоступна. На буквах замка не осталось ровно ничего подозрительного. Я утверждаю, что для открытия кассы не было употреблено никакого инструмента, кроме ключа, никакой отмычки. Тот, кто отпер кассу, знал слово и имел в своем распоряжении ключ.

Это формальное утверждение покончило с медлительностью комиссара.

– Мне остается только сказать несколько слов господину Фовелю... – обратился он к присутствующим.

– Я к вашим услугам! – отвечал банкир.

Проспер понял, выразительно положил на стол шляпу, чтобы дать понять, что он вовсе не имеет намерения скрыться, и вышел в соседнюю канцелярию.

Фанферло последовал за ним, но комиссар сделал ему едва уловимый жест, на который тот ответил утвердительно. Жест этот означал: «Вы ответите мне за этого человека».

Сыщик не придавал этому особого внимания, так как его подозрения были гораздо шире, и его желание добиться истины было слишком сильно для того, чтобы согласиться потерять из виду Проспера. Вот почему, выйдя в канцелярию, он забрался в самый темный угол и, несколько раз потянувшись и, сладко зевнув так, что чуть не сломал себе челюсть, закрыл глаза. А Проспер уселся за письменный стол, и все приказчики, горя нетерпением узнать подробности, окружили его со всех сторон, но не решались его расспрашивать.

Наконец рискнул Кавальон.

– Ну как? – спросил он.

– Неизвестно... – пожал плечами Проспер.

А затем он достал листок бумаги и поспешно написал на нем несколько строк.

«Эге! – подумал Фанферло. – Маленькие излияния перед бумагой! Кажется, мы кое-что узнаем!»

Написав записку, Проспер тщательно ее запечатал, вложил ее в книжку и, бросив украдкой взгляд на сыщика, все еще делавшего вид, что дремлет в своем уголку, передал эту книжку Кавальону.

– Жипси! – сказал он ему одно только слово.

Все это было исполнено так хладнокровно и с таким привычным видом, что Фанферло, которого нельзя было провести на мякине, и тот был этим поражен.

«Черт возьми, – подумал он. – Для невинного в этом молодом человеке слишком много желудка и нервов – гораздо больше, чем у меня опыта. Надо наблюдать!»

А тем временем комиссар говорил Фовелю:

– Теперь уже нет сомнения, милостивый государь, в том, что вас обворовал именно этот молодой человек. Долг повелевает мне принять против него меры. От судебного следствия уже будет зависеть продолжать или отменить его лишение свободы.

– Бедный Проспер! – проговорил банкир.

Позвали кассира. Он явился в сопровождении Фанферло. Ему объявили, что его арестуют.

– Клянусь, что я невиновен! – отвечал кассир просто, без малейшего ломания.

Банкир, взволнованный больше, чем его кассир, ухватился за последнюю надежду.

– Еще есть надежда, сын мой... – сказал он. – Во имя Неба, говорите все!

Проспер не слушал. Он вытащил из кармана небольшой ключ от кассы и положил его на камин.

– Вот ваш ключ от кассы... – сказал он. – Я надеюсь, что настанет день, когда вы узнаете, что я не брал у вас ни сантима. Долго ждать не придется! Вот вам ваши книги, бумаги, вот все, что будет необходимо моему преемнику. При этом я должен сказать, что помимо украденных трехсот пятидесяти тысяч франков в кассе есть еще один дефицит!

Дефицит! Это слово, слетевшее с уст кассира, точно обухом поразило всех присутствующих. Они встрепенулись.

– В кассе недостает еще трех тысяч пятисот, – продолжал Проспер. – Они израсходованы так: две тысячи франков я взял себе в счет жалованья, а полторы тысячи отдал служащим. Сегодня последний день месяца, и так как завтра следовало уже платить жалованье, то я и...

Его прервал комиссар.

– А вы имеете на это полномочия? – резко спросил он его.

– Нет, но господин Фовель не отказал бы мне в позволении сделать приятное сослуживцам. Так делается повсюду. Так поступал здесь и мой предшественник.

Банкир жестом согласился с этим.

– Что же касается лично меня, – продолжал кассир, – то я, по-видимому, имел на это право уже потому, что все свои сбережения, до пятнадцати тысяч франков, я вложил в этот же банкирский дом.

– Это совершенно верно, – подтвердил и Фовель. – Господин Бертоми имеет у меня счет именно на эту сумму.

Миссия комиссара была уже закончена. Он объявил, что уходит, и приказал кассиру следовать за собой.

– Я к вашим услугам, – сказал Проспер, нисколько не теряя присутствия духа.

Комиссар взял свой портфель и, простившись с Фовелем, сказал кассиру:

– Пойдемте!

И они вышли.

– Боже мой! – пробормотал банкир, при их уходе. – Пусть лучше бы украли у меня вдвое больше, чем мне лишиться бедного Проспера и потерять к нему уважение!

Эта фраза не ускользнула от внимания Фанферло и породила в нем уверенность, что она сказана неспроста. Он вышел из кабинета последним, задержавшись в поисках зонтика, которого никогда не имел, и услышал это.

Всю дорогу до управления у него не выходила из головы мысль о записке, написанной Проспером и находившейся теперь в кармане у Кавальона. Но как добыть ее? Попросту арестовать и Кавальона, припугнуть его и потребовать от него записку, а в случае надобности употребить в дело даже силу? Сыщику приходило в голову и такое. Фанферло был убежден, что записка эта была адресована не молодому приказчику, а третьему лицу. Но если сцапать Кавальона, то ведь он может налгать и указать совсем не на то лицо. Поразмыслив хорошенько, сыщик решил, что было бы наивным просить о записке, когда попросту ее можно перехватить. Подслушать Кавальона, проследить за ним и застать его на месте преступления, когда ему уже нельзя будет отпереться, было делом незамысловатым. Поэтому, выйдя на улицу, он вошел в ворота дома напротив банкирской конторы и спрятался в них. Здесь пришлось просидеть ему довольно долго. Но он был терпелив, так как ему приходилось не раз уже простаивать в течение целого дня или целой ночи напролет в ожидании добычи.

Наконец в дверях банкирского дома показался Кавальон. Выйдя на улицу, он пристально огляделся направо и налево. Видно было, что он задумал нечто, но не решается исполнить.

«Он чего-то опасается...» – подумал Фанферло.

Затем молодой приказчик отправился в путь, добрался до Монмартрского предместья и вошел в улицу Нотр-Дам-Деларет. Он шел так быстро, что сыщик едва мог поспевать за ним. Дойдя до улицы Шанталь, Кавальон свернул в нее и вошел в дом № 39.

Не пройдя и трех шагов по узкому коридору, он почувствовал, как кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и очутился лицом к лицу с Фанферло. Отлично узнав его, он побледнел и хотел уже бежать, но сыщик преградил ему дорогу.

– Что вам угодно? – спросил он Фанферло дрожащим голосом.

– Сегодня утром, – отвечал сыщик, – Проспер Бертоми тайком передал вам какую-то записочку.

– Вы ошибаетесь, – сказал Кавальон и покраснел до ушей.

Фанферло объяснил ему, как было дело.

– Пожалуйста, не отрицайте этого, – сказал он. – Иначе вы заставите меня пригласить тех четырех приказчиков, в присутствии которых записка была вам действительно передана. Она написана карандашом и свернута в несколько раз.

Приказчик понял, что запереться было трудно, и изменил свой план.

– Да, это верно... – сказал он. – Я получил от Проспера записку, но так как она была адресована лично ко мне, то я прочитал ее, разорвал и кусочки бросил в огонь.

– Позволю себе заметить, сударь, что это не совсем так: записка была вручена вам для передачи Жипси.

Жест отчаяния убедил сыщика, что он не ошибся.

– Клянусь вам... – начал молодой человек.

– Не клянитесь, пожалуйста, милостивый государь! – перебил его Фанферло. – Никакие клятвы не помогут. Вы вошли в этот дом именно для того, чтобы передать записку, и она у вас в кармане.

– У меня ее нет!..

– Нет, вы сообщите мне ее содержание... – продолжал сыщик вкрадчивым голосом. – Поверьте, что без серьезных поводов...

– Никогда! – ответил Кавальон.

И, уловив момент, сильным движением он вырвался из рук Фанферло и бросился бежать. Но сыщик оказался сильнее и быстрее его.

– Берегитесь, молодой человек! – сказал ему Фанферло. – Вам хуже будет! Потрудитесь показать мне записку!

– У меня ее нет!

– Отлично! Значит, вы доводите меня до крайних мер? Да знаете ли вы, до чего вас может довести ваше упорство? Я позову сейчас двух городских, они станут у вас по бокам и сведут вас в полицию, а там уже не прогневайтесь: я обыщу вас насильно. Мне уже надоело!..

– Вы сильнее меня... – отвечал Кавальон. – Я повинуюсь.

И он достал из портфеля злосчастную записку и передал ее Фанферло.

Руки сыщика задрожали от удовольствия, и он стал читать ее:

«Дорогая Нина!

Если ты меня любишь, то скорее, не медля ни минуты, без всяких рассуждений, повинуйся мне. По получении этого письма возьми все, что у тебя находится, – абсолютно все – и скройся где-нибудь в номерах на другом конце Парижа. Скройся так, как будто бы тебя вовсе нет и на свете. От этого, быть может, зависит моя жизнь. Меня обвиняют в краже, и я буду арестован.

В столе лежат пятьсот франков. Возьми их. Оставь твой адрес Кавальону, который объяснит тебе все, чего я не могу тебе написать. Торопись скорее. *Проспер».*

– Кто же эта госпожа Нина Жипси? – спросил Фанферло. – Без сомнения, это знакомая Проспера Бертоми?

- Это его любовница, – отвечал Фанферло.
- Она живет здесь, в доме тридцать девять?
- Вы это знаете... Недаром же я вошел сюда.
- Она снимает квартиру на свое имя?
- Нет, она живет у Проспера.
- В котором этаже?
- В первом.

Фанферло тщательно сложил записку и сунул ее к себе в карман.

– Я сам передам эту записку госпоже Жипси, – сказал он.

Кавальон хотел было возражать, но Фанферло сказал ему:

– Советую вам возвратиться к вашим занятиям, молодой человек.

– Но ведь Проспер мой покровитель, он вытащил меня из нищеты, он мой друг!

– Зная, что вы так преданы кассиру, могут хватиться вас и истолкуют это в дурную сторону.

– Проспер невиновен, я знаю это!

– А если он будет обвинен, то это ваше признание может быть принято за соучастие в его преступлении.

Кавальон опустил голову. Он был сражен.

– А потому послушайте меня, молодой человек, – продолжал Фанферло. – Возвратитесь к своим занятиям! До свидания!

Молодой человек повиновался. А Фанферло поднялся по лестнице и позвонил в дверь первого этажа, в квартиру Проспера Бертоми. Ему отворила девочка лет пятнадцати, кокетливо одетая.

– Госпожа Нина Жипси? – спросил сыщик.

При виде Фанферло с запиской в руках девочка не знала, что ответить.

– Мне поручено передать ей послание от господина Проспера, – сказал он и подождал ответа.

– Войдите, я сейчас доложу.

Имя Проспера подействовало, и Фанферло ввели в гостиную.

– Черт возьми! – проговорил сыщик при виде роскошной обстановки. – А кассир устроился недурно.

Но он не мог продолжать своих наблюдений, так как раздвинулась портьера и вошла госпожа Нина Жипси. Она была очень хороша собою, и ее красота была настолько необычайна, так заявляла о себе, что даже Фанферло был ослеплен и приведен в смущение.

«Ах, черт возьми! – подумал сыщик, вспоминая благородную, строгую красоту Мадлены, которую видел так недавно. – У него положительно недурной вкус, даже очень, очень недурной!»

– Что вам угодно? – спросила дама, презрительно прищурившись.

Другой на месте Фанферло был бы смущен этим взглядом и тем тоном, с которым произнесена была эта фраза. Но все его внимание было поглощено изучением этой молодой женщины.

«Она недобра, нет! – подумал он про нее. – И кажется, невоспитанна...»

Он помедлил с ответом. Нина нетерпеливо топнула ногой.

– Да вы скажете наконец, что вам угодно, или нет? – спросила она.

– Мне поручено, сударыня, передать вам послание от господина Бертоми... – начал он вкрадчивым голосом.

– От Проспера? Разве вы его знаете?

– Да, сударыня, я имею честь быть его знакомым, и, простите за смелость, я один из его друзей.

Он вытащил из кармана записку, отнятую им у Кавальона, и подал ее госпоже Жипси.

– Читайте! – сказал он.

Она надела пенсне и пробежала записку одним взглядом. Сначала она побледнела, потом покраснела; нервная дрожь пробежала по ней с ног до головы. Ее колени затряслись. Она пошатнулась. Думая, что она упадет, Фанферло приготовился было поддержать ее и протянул к ней руки. Но она была не такова. Она пошатнулась, но не позволила себе упасть. Она собралась с силами, ухватила своими миниатюрными ручками за руки сыщика, сжала их и стала плакать.

– Объясните, ради бога, – сказала она. – что все это значит? Не известно ли вам содержание этой записки?

– Увы... – отвечал он.

– Проспера хотят арестовать, его обвиняют в воровстве!..

– Да... Предполагают, что он украл из кассы триста пятьдесят тысяч франков.

– Это ложь! – воскликнула молодая женщина. – Это бесчестно и нелепо. Проспер – и вдруг украл! Какой это вздор! Красть! Да я для чего? Разве у него нет денег?

– Это совершенно верно, сударыня... – подтвердил и сыщик. – Но утверждают, что господин Бертоми вовсе не так богат и что, кроме жалованья, у него ничего больше и нет.

Этот ответ смутил госпожу Жипси.

– Однако же, – возразила она, – я всегда видела у него много денег! Небогат... Как же тогда...

Она не закончила фразу, посмотрела на Фанферло, и глаза их встретились.

«Так это, значит, он воровал для меня, для моих прихотей?...» – говорил ее взгляд.

«Может быть!» – ответил ей взгляд Фанферло.

Но уже через десять секунд к молодой женщине вернулось все ее прежнее самообладание. Сомнение оставило ее.

– Нет! – воскликнула она. – К несчастью, Проспер никогда не украл бы для меня. Кассир полными горстями мог бы загребать для любимой женщины из кассы, порученной ему целиком, и его оправдали бы за это все, – но Проспер не таков: он меня не любит и никогда не любил. Для меня он воровать не станет!

– Подумали ли вы о том, что говорите? – возразил Фанферло.

Она печально покачала головой; слезы застилали блеск ее прекрасных глаз.

– Да, подумала, – отвечала она, – и это так на самом деле. Он готов исполнить малейшую мою прихоть, скажете вы? Что ж из этого? Если я говорю, что он меня не любит, то я в этом совершенно убеждена и сознаю это. Только один раз в моей жизни меня любил один господин всей душой, и за это я страдаю теперь вот уже целый год, так как поняла теперь сама, какое несчастье приносит любовь без ответа. А в жизни Проспера я – ничто, так – случайный эпизод.

– Тогда зачем же он живет с вами?

– Зачем... Вот уже целый год как я напрасно ломаю себе голову над этим вопросом, таким ужасным для меня, а я ведь женщина!.. Я наблюдала за ним, как только может наблюдать женщина за человеком, от которого зависит ее судьба, но – напрасный труд! Он добр, мил, но это и все. У него слишком сильная воля. Это не человек, а сталь!

В порыве чувств Нина позволила заглянуть к себе в самую глубину души человеку, которому доверяла и в личных качествах которого нисколько не сомневалась, хотя он был ей совер-

шенно незнаком. Она видела в нем друга Проспера, и этого было для нее совершенно достаточно.

Что касается Фанферло, то он внутренне восхищался собой, своим счастьем и умением обращаться с людьми. Нина дала ему самые драгоценные указания; теперь он знал отлично, с каким человеком имел дело, а это было уже половиной успеха.

– Говорят, что Бертоми игрок? – спросил он как бы вскользь.

Госпожа Жипси пожала плечами.

– Да, он играет... – ответила она. – На моих глазах он выигрывал и проигрывал громадные суммы без малейшей тревоги. Он играет без страсти, без увлечения, без удовольствия, точно обедает или пьет. Нет, он играет, но он не игрок. Иногда я боюсь его: мне представляется, что это тело без души. И этот человек мог бы украсть! Какой вздор!

– А он никогда не говорил вам о своем прошлом?

– Он?... Да ведь я же говорила вам, что он меня не любит!

Она заплакала, и крупные слезы медленно покатались у нее по щекам.

– Но я люблю его! – воскликнула она, и глаза ее засветились. – И я должна спасти его! О, я сумею говорить и с ничтожеством – патроном, который его обвиняет, и перед судом, и перед всем светом! Пойдемте, милостивый государь, и вы увидите, что еще до наступления вечера или он будет освобожден, или же вместе с ним буду арестована и я.

Фанферло постарался успокоить ее.

– Чего вы достигнете этим, сударыня? – сказал он ей. – Ровно ничего. Поверьте мне, успех сомнителен и вы этим только скомпрометируете себя. Кто поручится в том, что вас не примут за соучастницу господина Бертоми?

Но то что испугало Кавальона, что заставило его так трусливо отдать порученную ему записку, только подстрекнуло энтузиазм госпожи Жипси и заставило ее следовать вдохновению сердца.

– Ничего я не боюсь! – воскликнула она. – Я не верю этому, а если бы это так и случилось, то и отлично: он оценит мою попытку спасти его. Я уверена в его невиновности, а если он и виновен, пусть так: я разделю с ним его судьбу!

Настойчивость Жипси становилась небезопасной. Она торопливо набросила на плечи манто, надела шляпу и, как была, в пеньюаре и в туфлях, готова была идти ко всем судьям Парижа.

– Едемте! – сказала она нетерпеливо.

– Я к вашим услугам, сударыня, – ответил Фанферло. – Поедемте. Но только, пока не поздно, позвольте вам заметить, что мы этим окажем Просперу очень плохую услугу.

– Почему? – спросила она.

– А потому, что он, вероятно, уже выработал свой план защиты. Знаете ли вы, что, явившись к нему в то самое время, как он приказывает вам скрыться, вы тем самым, быть может, разрушите его самые надежные средства к самозащите?

Госпожа Жипси помедлила немного. Она оценивала значение слов Фанферло.

– Во всяком случае, – возразила она, – я не могу сидеть здесь сложа руки, не попытавшись хоть чем-нибудь спасти его. Этот пол жжет мне ноги, понимаете ли вы это?

Но было очевидно, что если она и не совсем была убеждена, то во всяком случае решимость ее была поколеблена. Сыщик понял это, что и придало его действиям большую свободу и его словам большой авторитет.

– Сударыня, – обратился он к ней. – У вас в руках очень простое средство помочь человеку, которого вы любите.

– Какое? Говорите!

– Повиноваться ему, дорогое дитя мое...

Жипси ожидала совсем другого.

– Повиноваться!.. – прошептала она. – Повиноваться...

– В этом ваша обязанность, – продолжал серьезно и с достоинством Фанферло, – священная обязанность.

Она все еще колебалась, а он взял со стола записку от Проспера и сказал:

– Взгляните! Господин Бертоми в ужасный момент своего ареста указывает вам, как поступить, и вы не хотите придавать значения этому разумному предостережению. Что он здесь пишет? Прочтите вместе эту записку, прямо свидетельствующую о его просьбе. «Если ты любишь меня, – пишет он, – то повинуйся мне». А вы отказываетесь повиноваться. «От этого, быть может, зависит моя жизнь», пишет он далее. Значит, вы не любите его? Несчастное дитя, разве вы не понимаете, что, советуя вам бежать, спрятаться, господин Бертоми имеет на то свои основания, быть может, тяжкие, крайние...

Жипси была достаточно умна, чтобы понять эти слова.

– Основания!.. – сказала она. – Значит, ему необходимо, чтобы наш роман был тайной для всех? Да, я понимаю теперь, я догадалась! Совершенно верно! Мое присутствие здесь, где я живу целый год, может послужить для него тяжким обвинением. Будут придирааться ко всему, чем я владею, к моим платьям, кружевам, драгоценностям, и благодаря этой роскоши обвинят его. Станут спрашивать его, откуда он брал столько денег, чтобы удовлетворить мои прихоти – это ужасно!

Сыщик утвердительно кивнул головой.

– В таком случае надо бежать, бежать поскорее, и кто знает, быть может, полиция уже стоит на пороге, сейчас войдет сюда...

И, оставив сыщика одного, Нина бросилась в будуар, кликнула к себе девушку, кухарку и казачка и стала поспешно укладываться.

– Все готово, – сказала она сыщику через минуту. – Куда теперь ехать?

– А разве господин Бертоми не указывает вам этого, сударыня? Куда-нибудь на другой конец Парижа, в какие-нибудь меблированные комнаты или в гостиницу...

– Но я не знаю ни одной.

– Я могу указать вам одну гостиницу, но, боюсь, она не понравится вам. Там уж такой роскоши не найдете... Но зато благодаря моей рекомендации вы будете там скрыты совершенно и там будут обращаться с вами, как с маленькой королевой.

– А где это?

– На краю света, набережная Сен-Мишель, гостиница «Архистратиг», у госпожи Александры...

– Вот перо и чернила. Пишите рекомендацию!

Он исполнил приказание.

– С этими тремя строчками, сударыня, – сказал он, – вы можете вить из госпожи Александры веревки.

– Отлично! Теперь каким образом передать мой адрес Кавальону? Он должен доставлять мне письма от Проспера...

– Я постараюсь найти его и передам ему ваш адрес сам.

Жипси послала за каретой, и Фанферло сам вызвался нанять ее. Когда он вышел на улицу, счастье и здесь не изменило ему: мимо дома проезжал извозчик. Он остановил его.

– Сейчас ты повезешь одну даму-брюнетку, – сказал он ему, записав предварительно его номер. – Она выйдет сейчас с чемоданами. Если она прикажет тебе везти ее на улицу Сен-Мишель, то ты пощелкай мне бичом. Если же она даст тебе другой адрес, то ты слезь с козел, точно бы для того, чтобы поправить упряжь. Я буду за тобой наблюдать издали.

И он пошел на другую сторону улицы и спустился в погребок.

Ему недолго пришлось ожидать. Скоро громкие удары бича раздались в молчании улицы: Нина отправлялась в гостиницу «Архистратиг».

– Клюет! – радостно воскликнул сыщик. – Теперь она у меня в руках.

Глава IV

В то самое время, когда госпожа Жипси отправлялась искать убежища в гостинице «Архистратиг», указанной ей сыщиком Фанферло, Проспер Бертоми был доставлен в сыскную полицию.

Стояло превосходное время. Весенний день в полном своем блеске. Всю дорогу, пока экипаж ехал по улице Монмартр, Проспер то и дело высовывал голову из окна, глубоко сожалея о том, что ему придется сидеть в тюрьме именно теперь, когда так ласково солнце и когда так хорошо в природе.

– На улице так отлично, – проговорил он, – что никогда еще я не чувствовал такой зависти к прохожим, как сейчас.

– Я понимаю вас, – ответил ему один из сопровождавших его полицейских.

В сыскной полиции, как только закончились формальности передачи с рук на руки, Проспер на все предложенные ему необходимые вопросы отвечал свысока, с некоторой долей презрения. А когда ему предложено было вывернуть свои карманы и уже приблизились, чтобы обыскать и его самого, негодование засветилось в его глазах, и холодная слеза скатилась у него из глаз, но тут же и засохла на пылавшей щеке; виден был только один ее блеск. И, подняв кверху руки, он не шелохнулся, когда грубые сержанты с головы до ног стали обшаривать его, в надежде найти под его платьем что-нибудь подозрительное.

Обыск, быть может, зашел бы еще дальше и был бы еще более унижительным, если бы не вмешался один господин средних лет, благородной осанки, который в это время сидел у камина и держал себя так, точно у себя дома.

При виде Проспера в сопровождении полицейских он сделал жест удивления и, по-видимому, был очень этим заинтересован. Он встал, подошел к нему, хотел было ему что-то сказать, но раздумал.

В своем возбуждении кассир и не заметил взгляд этого господина, устремленный на него в упор. Кажется, они где-то встречались?

Этот господин был не кто иной, как знаменитый начальник сыскной полиции господин Лекок.

В ту самую минуту, как агенты покончили уже с обшариванием платья Проспера и готовились стащить с него и сапоги, Лекок сделал им знак и сказал:

– Довольно!

Они повиновались. Все формальности были теперь покончены, и несчастного кассира отвели в узкую камеру; окованная дверь с болтами и решетками заперлась за ним, и он остался один. Он глубоко вздохнул. Теперь, когда он знал, что он один, все его самообладание уступило вдруг место потокам слез, маска бесчувствия ко всему слетела с его лица. Его негодование, сдерживаемое им столько времени, вспыхнуло в нем с тою яростью, с какою вспыхивает пожар, долгое время горящий внутри дома и потом прорывающийся из него наружу. Он неистовствовал, кричал, говорил проклятия и богохульствовал. В припадке дикого безумия он колотил кулаками в стены тюрьмы, от того бессильного безумия, которое овладевает оленем, когда он вдруг видит себя в плену.

Это был уже совсем не тот Проспер, каким он был всегда. Гордый и корректный, он, как оказалось, имел огненный темперамент, и пылкие страсти были ему не чужды.

Когда вечером служитель принес ему поесть, он нашел его лежащим на постели, зарывшим голову в подушку и горько рыдающим. В одиночном заключении он ничего не мог есть. Непреодолимая слабость овладела всем его существом, все его самообладание расплылось в каком-то мрачном тумане.

Пришла ночь, длинная, ужасная, и в первый раз в жизни ему пришлось определять время по мерным шагам часовых. Он страдал.

Под утро он заснул, и, когда светило уже солнце, он еще спал. Вдруг в камере раздался голос тюремщика:

– Пожалуйте на следствие!

Он вскочил..

– Я к вашим услугам, – отвечал он, не стараясь даже приводить в порядок свой туалет.

По дороге тюремщик сказал ему:

– А вам повезло: вам назначили хорошего господина.

Проспера провели по длинному коридору, прошли с ним через какую-то залу, полную жандармов, по какой-то потайной лестнице свели его вниз и повели затем куда-то вверх по узкой, нескончаемой лестнице. Потом они вышли на длинную, узкую галерею, на которую выходило множество дверей с номерами.

Тюремщик, сопровождавший несчастного кассира, остановился перед одной из этих дверей.

– Мы пришли, – сказал он Просперу, – здесь должна решиться ваша судьба.

При этих словах, сказанных не без сострадания, Проспер задрожал.

И было от чего: здесь, за этой дверью, находился человек, который устроит ему допрос, и, судя по тому, что Проспер ему ответит, он будет отпущен на свободу или же вчерашний приказ об аресте обратится для него в приказ о предании его суду.

Но, призвав на помощь все свое самообладание, он взялся уже за ручку двери, как сопровождавший его тюремщик остановил его.

– Подождите еще! – сказал он. – Входить нельзя. Садитесь. Когда настанет ваша очередь, вас позовут.

Кассир сел, и тюремщик поместился рядом с ним. Нельзя было себе представить ничего более ужасного, более жалкого, чем эта мрачная галерея подследственных дел. С одного конца до другого вдоль стены тянулась громадная дубовая скамья, потемневшая от ежедневного употребления. Невольно приходило на ум, что на этой скамье в течение десятков лет пересидело множество подсудимых, убийц и воров, со всего Сенского департамента. Каким-то роковым образом, точно грязь в водосточной трубе, преступление изо дня в день протекало по этой ужасной галерее, которая одним концом вела в камеру предания суду, а другим – на площадку эшафота. Как выразился о ней один первый министр, эта галерея представляла собою большую государственную прачечную, для всей грязи Парижа.

В галерее было оживленно. Скамья была почти вся занята. Сбоку Проспера, касаясь его своими лохмотьями, сидел какой-то оборванец.

Перед каждой дверью толпились свидетели и разговаривали низкими голосами. То и дело входили и выходили жандармы, громко стуча каблуками по плитам пола, вводя и выводя арестантов.

При виде всего этого, в соприкосновении с этой грязью в этой душной атмосфере, полной странных испарений, кассир почувствовал, что сознание оставляет его, как вдруг раздался голос:

– Проспер Бертоми!

Несчастный собрался с силами и, не зная как, вошел в кабинет судебного следователя.

– Садитесь! – сказал ему судебный следователь Партижан. – Внимание, Сиго! – И сделал знак своему секретарю. – Как вас зовут? – обратился он снова к Просперу.

– Огюст-Проспер Бертоми, – отвечал тот.

– Сколько вам лет?

– Пятого мая исполнилось тридцать.

– Чем занимаетесь?

- Кассир банкирского дома Андре Фовель.
  - Где вы живете?
  - Улица Шанталь, тридцать девять. Уже четыре года. Раньше я жил на бульваре Батиньоль в доме номер семь.
  - Где родились?
  - В Бокере.
  - Живы ваши родители?
  - Мать умерла два года тому назад, а отец жив.
  - Он в Париже?
  - Нет, он живет в Бокере вместе с моей сестрой, которая там замужем за одним из инженеров Южного канала.
  - Чем занимается ваш отец?
  - Он был смотрителем мостов и дорог, служил также в Южном канале, как и мой зять. Теперь он в отставке.
  - Вас обвиняют в похищении трехсот пятидесяти тысяч франков у вашего патрона. Что вы имеете на это сказать?
  - Я невиновен, клянусь вам в этом!
  - Я очень желаю этого для вас, и вы можете рассчитывать на то, что я всеми силами постараюсь выяснить вашу невиновность. Тем не менее какие факты можете вы привести в свое оправдание, какие доказательства?
  - Что же я могу сказать, когда я сам не понимаю, как это случилось! Я могу вам только рассказать всю свою жизнь...
  - Оставим это... Кража совершена при таких обстоятельствах, когда подозрение может падать только на вас или на господина Фовеля. Не подозреваете ли вы кого-нибудь еще?
  - Нет.
  - Если вы считаете невиновным себя, значит, виновен господин Фовель?
- Проспер не ответил.
- Нет ли у вас каких-нибудь поводов, – настаивал следователь, – предполагать, что кражу совершил именно сам патрон?
- Обвиняемый продолжал молчать.
- В таком случае вам необходимо еще подумать, – сказал ему следователь. – Выслушайте акт вашего допроса, который прочтет вам мой секретарь, подпишите его, и вас опять отведут в тюрьму.
- Несчастный был этими словами уничтожен. Последний луч надежды, который мерцал ему в отчаянии, и тот погас. Он не слышал, что ему стал читать Сиго, и не видел того, что ему пришлось затем подписать. Он был так взволнован, выходя из кабинета, что его тюремщик посоветовал ему взять себя в руки.
- Ну что ж тут плохого? – сказал он ему. – Бодритесь.
- Бодриться! Проспер был не способен на это вплоть до возвращения в тюрьму. Здесь вместе с гневом его душу наполнила ненависть. Он обещал себе поговорить со следователем, защитить себя, установить свою невиновность, и ему не дали говорить. Он с горечью упрекнул себя в том, что напрасно поверил в доброту судебного следователя.
- Какая насмешка! – сказал он себе. – Ну, что это за допрос! Нет, это не допрос, это одна только пустая формальность!
- А если бы Проспер мог остаться в галерее еще хоть на час, то он увидел бы, как тот же самый судебный пристав вышел снова и снова крикнул:
- Номер третий!
- Человеком, носившим № 3, был не кто иной, как Андре Фовель, который, поджидая очереди, сидел на той же самой деревянной скамье.

Здесь он вел себя совсем иначе. Насколько у себя в конторе он казался благорасположенным к своему кассиру, настолько здесь, у следователя, он был против него вооружен. И едва только ему были предложены неизбежные при каждом следствии вопросы, как его необузданный характер дал себя знать, и он обрушился на Проспера с обвинениями и даже бранью.

– Отвечайте по порядку, господин Фовель, – обратился к нему Партижан, – и ограничьтесь только моими вопросами. Имеете вы основания сомневаться в честности вашего кассира?

– Определенных – нет! Но я имел тысячи поводов беспокоиться...

– Какие это поводы?

– Господин Бертоми играл. Он целые ночи просиживал за баккара, и стороною я слышал, что он проигрывал большие суммы. У него – плохие знакомства. Один раз с одним из клиентов моего дома, Кламераном, он был замешан в скандальной истории по поводу игры, затеянной у одной дамы и закончившейся у мирового судьи.

– Согласитесь, милостивый государь, – обратился к нему следователь, – что вы были очень неблагоразумны, чтобы не сказать виноваты сами, поручив вашу кассу подобному господину.

– Проспер не всегда был таким, – отвечал Фовель. – Всего год тому назад он мог служить примером для своих сверстников. В моем доме он был как свой человек, все вечера он проводил у нас, он был близким другом моего старшего сына Люсьена. Затем, как-то вдруг сразу, он перестал нас посещать, и мы перестали видеться с ним. И это тем более странно, что я полагал, что он влюблен в мою племянницу Мадлену.

– Не потому ли господин Проспер и перестал бывать у вас?

– Как вам сказать? Я очень охотно согласился бы выдать за него Мадлену, и, сказать по правде, я ожидал от него предложения. Моя племянница очень желательная партия, он не смел даже надеяться на ответное чувство: она прекрасна и к тому же у нее полмиллиона приданого.

– Какие же поводы у вашего кассира так повести себя?

– Совершенно не знаю. Я полагаю, что его сбил с пути один молодой человек по фамилии Рауль Лагор, с которым он познакомился у меня.

– А кто этот молодой человек?

– Родственник моей жены, красивый, образованный, сумасбродный господин, достаточно богатый для того, чтобы платить за свои сумасбродства.

– Перейдем теперь к фактам. Вы убеждены в том, что кражу совершил не кто-либо из ваших домочадцев?

– Вполне.

– Ваш ключ был всегда при вас?

– Большею частью. Когда я его не брал с собою, я запираю его в один из ящиков письменного стола у себя в спальне.

– А где он находился в ночь кражи?

– В письменном столе.

– В этом-то вся и штука!..

– Виноват, милостивый государь, – перебил его Фовель. – Позвольте вам заметить, что для такой кассы, как моя, недостаточно еще располагать ключом. Необходимо еще знать слово, состоявшее в данном случае из пяти букв. Без ключа еще можно отпереть, но без слова – нельзя.

– А вы никому не сообщали этого слова?

– Никому на свете. Да я и сам иной раз затруднился бы сказать, на какое именно слово была заперта касса, так как Проспер менял это слово по своему усмотрению и сообщал мне его, но я его часто забывал.

– Ну а в ночь кражи вы не забыли его?

– Нет. Слово было изменено только накануне и поразило меня своей оригинальностью.

– Каково было это слово?

– Жипси, ж, и, п, с, и, – отвечал банкир по буквам.

Партижан записал.

– Еще один вопрос, – сказал он. – Накануне кражи вы были дома?

– Нет. Я обедал у одного из своих знакомых и провел вечер у него. А когда я вернулся домой в час ночи, то жена моя уже спала и я сам лег тотчас же.

– И вам совершенно неизвестно, какая сумма находилась в кассе?

– Абсолютно. Судя по ордерам, я могу предполагать, что там находилась сумма небольшая: я заявил о ней полицейскому комиссару, и господин Бертоми признал ее.

Партижан молчал. Для него дело представлялось так: банкир вовсе не знал, было ли у него в кассе 350 тысяч франков или нет, а Проспер сделал ошибку в том, что взял их из банка.

Отсюда нетрудно было вывести заключение.

Видя, что он молчит, банкир хотел было высказать все, что накопилось у него на душе, но следователь остановил его, приказал ему подписать акт допроса и проводил его до дверей своего кабинета.

– Выслушаем других свидетелей, – сказал Партижан.

Четвертым номером был Люсьен, старший сын Фовеля.

Этот молодой человек сообщил, что он очень любит Проспера, с которым состоит в дружбе, и что знает его как человека в высокой степени честного, неспособного даже на простую неделикатность. Он сказал, что до сих пор не может понять, под влиянием каких именно обстоятельств Проспер вдруг стал причастен к этой краже. Он знал, что Проспер играет, но не в таких размерах, как ходят о том сплетни. Он никогда не замечал, чтобы Проспер жил не по средствам.

Что касается Мадлены, то свидетель сообщил следующее:

– Я всегда думал, что Проспер влюблен в Мадлену, и до самого вчерашнего дня был глубоко убежден, что он на ней женится, так как знал, что мой отец не будет препятствовать этому браку. Я допускаю, что Проспер и моя кузина могли поссориться, но вполне убежден, что все у них кончилось бы примирением.

Люсьен расписался под своими показаниями и вышел.

Ввели Кавальона.

Представ перед следователем, бедный малый имел необычайно жалкий вид.

Под большим секретом он сообщил накануне одному из своих приятелей приключения свои с сыщиком, и тот обрушился на него с насмешками за его трусость. И теперь его снедали угрызения совести, и он всю ночь протосковал, считая себя погубителем Проспера. На допросе он не обвинял Фовеля, но твердо заявил, что считает кассира своим другом, что обязан ему всем, что имеет, и что убежден в его невинности столько же, сколько и в своей лично.

После Кавальона были допрошены еще шесть или восемь приказчиков из банкирской конторы Фовеля; но их показания оказались несущественными.

Затем Партижан позвонил судебному приставу и сказал ему:

– Немедленно позовите ко мне Фанферло!

Сыщик уже давно дожидался этого, но встретив в галерее одного из своих коллег, отправился с ним в кабачок, и судебный пристав должен был сбегать за ним туда.

– До каких пор еще дожидаться вас? – сурово спросил его судебный следователь.

– Я был занят делом, – отвечал Фанферло в свое оправдание. – Я даром времени не терял.

И он рассказал ему о своих похождениях, как он отнял записку у Кавальона, показал ее следователю, вторично стянув ее у Жипси, но ни одним словом не обмолвился о Мадлене. Под конец он сообщил следователю кое-какие биографические сведения о Проспере и о Жипси, которые ему удалось собрать мимоходом. И чем далее он рассказывал, тем в Партижане все более складывалось убеждение, что Проспер виновен.

– Да, это очевидно... – бормотал он. – Только вот что, – обратился он к Фанферло, – не упускайте из виду этой барышни Жипси; она должна знать, где сейчас находятся деньги, и она поможет вам их найти.

– Господин следователь может быть вполне покоен, – отвечал Фанферло. – Эта дама в хороших руках!

Оставалось теперь допросить только двух свидетелей, но они не явились. Это были: артельщик, посланный Проспером в банк за деньгами, и Рауль Лагор. Первый из них был болен. Но и их отсутствие не помешало делу Проспера сделаться толще, а в следующий понедельник, то есть на пятый день кражи, Партижан уже был убежден, что в его руках должно находиться уже достаточно моральных доказательств, чтобы предать обвиняемого суду.

Глава V

В то время как вся жизнь Проспера была предметом мельчайших обсуждений, он сидел в секретной камере тюрьмы.

Два первых дня прошли для него еще не так заметно. Ему дали несколько листов пронумерованной бумаги, и в них он записывал все, что восстановила ему память и что он находил необходимым для своей защиты. На третий же день он начал беспокоиться, не видя никого, и, когда к нему приходил тюремщик и приносил ему поесть, он всякий раз спрашивал его, когда же наконец его вызовут еще раз?

– Дойдет очередь и до вас, – неизменно отвечал ему тюремщик.

Время шло, и несчастный, страдая от мук неизвестности, которые подламывают даже самые сильные натуры, приходил в отчаяние.

– Когда же этому будет конец? – восклицал он.

Но о нем не забыли. В понедельник утром, в неуказанное время, он услышал, как отпирается дверь его кельи. Одним прыжком он был уже около нее. Но, увидя на пороге седовласого старика, он остановился как вкопанный.

– Отец! – воскликнул он. – Отец!

– Да, отец... – отвечал пришедший.

Но вслед за удивлением Проспером овладела безграничная радость. Не раздумывая долго, он широко раскрыл объятия, чтобы броситься отцу на шею.

Но господин Бертоми оттолкнул его.

– Подожди! – сказал он.

Он вошел в камеру, и вслед за ним затворилась дверь. Отец и сын остались одни: Проспер уничтоженный и подавленный, а господин Бертоми полный гнева и угроз.

Отвергнутый этим последним своим другом, отцом, несчастный кассир в ужасном отчаянии едва владел собою.

– И ты тоже! – воскликнул он. – И ты! Ты поверил, что я преступен...

– Избавь меня от этой гнусной комедии, – перебил его господин Бертоми. – Я знаю все.

– Но я невиновен, отец, клянусь тебе покойной матерью!

– Несчастный, не кощунствуй! Твоя мать умерла, и я не ожидал, что настанет день, когда я возблагодарю Бога за то, что ее нет в живых. Твое преступление убило бы ее!

Последовало продолжительное молчание.

– Ты убиваешь меня, отец, – воскликнул наконец Проспер, – и это в ту минуту, когда мне нужно все мое самообладание, так как я стал жертвой какой-то подлой интриги.

– Жертвой!.. – усмехнулся господин Бертоми. – Хороша жертва!.. Значит, ты хочешь запятнать своими инсинуациями почтенного, доброго человека, который столько заботился о тебе, который оказал тебе столько благодеяний, который обеспечил тебе такое блестящее положение и предоставил тебе то, о чем ты даже и не смел мечтать... Довольно одной кражи, не позорь его!

– Ради бога! Отец, дай мне высказать тебе...

– О чем? Ты, быть может, хочешь отрицать благодеяния своего патрона? Однако же ты так был убежден в его расположении, что как-то даже приглашал меня в Париж, чтобы испросить у него для тебя руку его племянницы? Так, значит, и это была ложь?

– Нет, – отвечал Проспер, – нет...

– Это было год тому назад. Тогда ты любил еще Мадлену, по крайней мере ты мне так писал...

– Но я люблю ее, отец, и теперь больше, чем когда-либо! Я не переставал ее любить!

Господин Бертоми посмотрел на него с презрительным сожалением.

– Действительно так! – воскликнул он. – И все-таки мысль об этой чистой, непорочной девушке, которую ты любил, не остановила тебя от скандалов и дебошей? Любил! И ты осмеливался не краснея являться к ней после той подлой компании, с которой ты проводил время?

– Ради самого Бога! Дай мне объяснить тебе, почему Мадлена...

– Довольно, милостивый государь, довольно! Я знаю все, я уже предупреждал тебя об этом. Вчера я виделся с твоим патроном. Сегодня утром я говорил с твоим судебным следователем, и только благодаря его любезности меня допустили к тебе в тюрьму. Знаешь ли ты, что для этого меня обыскали, почти раздели донага!

Проспер больше не возражал. Он в отчаянии опустился на табурет.

– всю нашу роскошь, – продолжал отец, – составляла честность. Ты первый из всей нашей семьи завел себе дорогие ковры работы Обюсона, и ты первый же из всего нашего рода оказался вором!

Кровь бросилась Просперу в лицо. Но он не тронулся с места.

– Я явился сюда не для упреков, – продолжал отец, – я пришел сюда для того, чтобы, насколько возможно, спасти еще нашу честь, чтобы наша фамилия не попала в один список с именами убийц и воров. Встань и выслушай меня.

Проспер повиновался.

– Прежде всего, – спросил его господин Бертоми, – сколько еще осталось у тебя от тех трехсот пятидесяти тысяч франков?

– Еще раз, отец, еще раз уверяю тебя, – отвечал несчастный, – что я невиновен.

– Я ожидал этот ответ. Наша семья все заплатит твоему патрону!

– Как? Что ты говоришь?

– Как только ты совершил преступление, твой зять возвратил мне приданое твоей сестры: семьдесят тысяч франков. Со своей стороны я даю сто сорок тысяч франков. Это составит двести десять тысяч франков, которые я взял с собою и отдам их господину Фовелю.

Эта угроза вывела Проспера из оцепенения.

– Ты не сделаешь этого! – воскликнул он с трудно скрываемым гневом.

– Я сделаю это сегодня же. В остальной сумме господин Фовель поверит мне. Мою пенсию составляют полторы тысячи франков, но я могу прожить на пятьсот, я еще могу заработать; с своей стороны твой зять...

Господин Бертоми следил за выражением лица своего сына. Гнев, граничивший с безумием, искажил его черты. Его потухшие глаза засветились.

– Ты не имеешь права, отец! – закричал он. – Нет, ты не имеешь права так поступать! Хорошо, не верь мне! Но кто убедил тебя в том, что я действительно виновен? Кто? В то время как сам суд медлит еще признать меня вором, ты, мой отец, спешишь с этим, более безжалостный, чем сам суд. Ты произносишь надо мной приговор, не выслушав меня!

– Я исполню свой долг.

– Я стою на краю пропасти, и ты толкаешь меня туда. И это ты называешь своим долгом! Неужели для тебя нет разницы между мной, уверяющим тебя, что я невиновен, и чужими для тебя людьми, которые меня обвиняют? Да уж сын ли я тебе? Ты говоришь, что затронута наша честь. Пусть так. Но ведь разумнее было бы поддержать меня, помочь мне, чтобы именно я лично мог выгородить нашу честь и спасти ее.

– Все против тебя!

– Ах, отец! Ты не знаешь, что с некоторых пор я должен был избегать Мадлену. Я был в отчаянии, я искал повсюду забвения. Мне хотелось забыть о самом своем существовании, я искал дурного общества и стыда. О Мадлена! Все против меня – что ж за важность! Я докажу, что я невиновен, или же погибну с этим пятном. Ведь бывают же судебные ошибки! Невинный, я, быть может, даже буду осужден. Пусть будет так, пусть подвергают меня наказанию! Но убегают и с каторжных работ!..

– Несчастный, что ты говоришь?...

– Я говорю, отец, что теперь уж я совсем не тот, что был до сих пор. Отныне целью моей жизни будет мщение. Я жертва подлой интриги. До последней капли крови я буду разыскивать виновного. И я найду его, и он искупит все мои мучения, всю боль моей души. Он в доме Фовеля, вот где надо его искать!

– Перестань! – воскликнул господин Бертоми. – Гнев ослепляет тебя!

– Да, я понимаю тебя, – продолжал Проспер, – ты пришел сюда, чтобы сказать, что все добродетели нашли себе убежище под патриархальной кровлей Фовелей? Как бы не так! Под личиной честности скрываются иногда большие пороки. Почему вдруг ни с того ни с сего Мадлена запретила мне даже и мечтать о ней? Для какой цели она обрекла меня на изгнание, когда оно причиняет и ей самой такие же страдания, как и мне, когда она любит меня, – понимаешь? – еще любит меня! Я убежден в этом, у меня есть на это доказательства.

Назначенное для свидания время закончилось, и вошедший тюремщик объявил, что пора его прекратить.

Тысяча самых различных чувств наполняла сердце бедного старика и лишала его возможности соображать. Что, если Проспер говорит правду? А кто может доказать, что он говорит именно неправду?

Голос сына, с которым он за все время свидания был так жесток, разбудил в нем нежные отеческие чувства, так что их пришлось силою подавлять в себе. Что бы ни случилось, был ли Проспер виновен, или нет, он все-таки был его сын! Старик не хотел быть жестоким, он хотел войти к нему строгим и обиженным, каковым и вошел. Теперь же сердце его размягчилось, он открыл Просперу свои объятия и прижал его к груди.

– Сын мой! – бормотал он, расставаясь. – Что, если бы это была правда!

Двери камеры открылись почти тотчас же вслед за уходом отца, и, как и в первый раз, раздался голос тюремщика:

– Пожалуйста к допросу!

Проспер повиновался. Но походка его уже была не та, что прежде: большая перемена произошла в нем, он гордо выступал вперед и огонь решимости теперь светился в его глазах.

Теперь уж он знал дорогу и поэтому шел немного впереди своего конвойного. Когда они проходили через нижнюю залу с сыщиками и жандармами, Проспер опять повстречался с тем господином в золотых очках, который так пристально смотрел на него тогда в канцелярии.

– Бодритесь, господин Проспер Бертоми! – обратился к нему этот господин. – Если вы действительно невиновны, то это вам поможет!

Проспер в удивлении остановился. Он хотел ему что-нибудь ответить, но господин этот скрылся.

– Кто это? – спросил он у конвойного.

– Как! Вы его не знаете? – ответил конвойный в глубоком удивлении. – Да ведь это господин Лекок, сыщик!

– Что же это за Лекок?

– Это человек, с которым тягаться еще никто не вышел носом! Ему все известно! Если бы вы попали к нему, а не к этому сахару-медовичу Фанферло, то ваше дело было бы уже давно решено. Ему за ним не угнаться! А точно мне показалось, что вы с ним знакомы?

– Пока сюда не попал, я его ни разу не встречал.

– Да в этом вовсе и нет надобности. Никто на свете не видал господина Лекока в настоящем виде. Сегодня он один, а завтра – другой. Сегодня черный, а завтра – рыжий. То он молодой, а то – столетний старикашка. Да взять хоть бы меня! Ведь как он меня проводит! Подходишь к чужому, что, мол, ему угодно, а глядь – это он! Да если бы мне сейчас сказали, что вы – это он, я и тогда поверил бы: очень возможно! Ах, что только он из себя не выделяет!..

В это время они вошли в галерею судебных следователей.

На этот раз Просперу не пришлось дожидаться очереди на позорной скамье: его поджидал сам следователь. Нетрудно догадаться, что свидание отца с сыном устроил сам Партижан: ему нужно было угадать душу обвиняемого. Он был убежден, что между отцом, этим человеком редкой честности, и его сыном, обвиненным в воровстве, должна была произойти раздирающая душу сцена, и он думал, что эта сцена сломит упорство Проспера. Каково же было его удивление, когда он увидел кассира выступающим гордой поступью, с твердым и уверенным взглядом, но без всякого вызова или бравирования положением.

– Ну что же, вы решились? – спросил он его тотчас же.

– Невиновному не на что решаться, – отвечал обвиняемый.

– Значит, тюрьма оказалась для вас плохой советницей? Вы забыли, что только искренность и раскаяние могут заслужить для вас прощение у судей?

– Я не нуждаюсь ни в помиловании, ни в прощении.

Партижан сделал жест досады. Он немного помолчал и потом вдруг неожиданно спросил:

– А куда девались триста пятьдесят тысяч франков?

Проспер покачал печально головой.

– Ах, если бы это знать! – отвечал он просто. – Тогда бы я находился не здесь, а на свободе.

– Значит, вы упорно стоите на своем? Вы продолжаете обвинять вашего патрона?

– Его или кого-нибудь другого.

– Виноват!.. Только он один, понимаете ли, один только он знал слово. Был ли ему интерес обворовывать самого себя?

– Я долго искал этот интерес и не мог найти его.

– Отлично! Этот интерес имели только вы! Украли вы!

Партижан говорил так, точно был убежден в этом, на самом же деле он сомневался. Оставалось только последнее средство – это огорошить обвиняемого, который своим спокойствием и решимостью защищаться до конца попортил ему столько крови.

– А ну-ка, скажите, сколько денег вы потратили в этом году? – задал он вопрос, едва сдерживая себя от гнева.

Просперу не нужно было для этого ни воспоминаний, ни счетов.

– Извольте, – тотчас же ответил он. – Обстоятельства были настолько исключительны, что я достаточно-таки порастряс свои деньги: я потратил их около пятидесяти тысяч франков.

– Откуда же вы их взяли?

– Прежде всего у меня было двенадцать тысяч франков, доставшиеся мне по наследству от матери. Затем я получил от господина Фовеля жалованье и за участие в прибылях предприятия четырнадцать тысяч франков. Восемь тысяч я выиграл на бирже. Остальное я взял займы, состою должным в этой сумме и могу уплатить ее немедленно из тех пятнадцати тысяч, которые имею на текущем счету у господина Фовеля.

– А кто вам давал займы?

– Рауль Лагор.

Этот свидетель, отправившийся путешествовать, как нарочно, в день кражи, не мог быть допрошен.

– Хорошо, – сказал Партижан. – Поверю вам на слово. Объясните мне теперь, почему вы, вопреки формальным приказаниям вашего патрона, взяли из банка деньги накануне, а не в самый день платежа?

– Господин Кламеран дал мне знать, – отвечал Проспер, – что для него будет приятно и даже полезно получить свои деньги именно рано утром. Если вы допросите его, он подтвердит вам это. С другой стороны, я знал, что явлюсь на службу несколько позднее обыкновенного.

– Господин Кламеран ваш друг?

– Нисколько. Наоборот, я должен сознаться, что чувствую к нему необъяснимое отвращение, – я заявляю об этом. Он очень близок с Лагором.

– Как вы провели вечер накануне преступления?

– По выходе со службы, в пять часов, я взял билет на Сен-Жерменском вокзале и поехал в Везине на дачу к Раулю Лагору. Я отвез ему полторы тысячи франков, которые он ожидал от меня, но, не застав его дома, я вручил их его лакею.

– А вам не сказали там, что господин Лагор отправляется в путешествие?

– Нет. Я даже не знаю сейчас, в Париже он или нет.

– Отлично. Что вы делали затем?

– Я вернулся в Париж и обедал в ресторане с одним из друзей.

– А потом?

Проспер помедлил.

– Вы молчите, – обратился к нему Партижан. – Тогда позвольте мне рассказать вам, как вы проводили ваше время. Вы возвратились к себе на улицу Шанталь, оделись и отправились на вечеринку к одной из тех дам, которые называют себя артистками, но только позорят свои театры, получая от них в жалованье гроши, а тем не менее заводя себе экипажи и лошадей. Вы были у мадемуазель Вильсон!

– Совершенно верно.

– У мадемуазель Вильсон идет большая игра?

– Иногда.

– В таких компаниях вы – свой человек. Не были ли вы замешаны в одной скандальной истории, имевшей место у одной из дам такого сорта по фамилии Кресченди?

– Я фигурировал только в качестве свидетеля, будучи очевидцем шулерства.

– Значит, игра велась не без шулеров! Вы у мадемуазель Вильсон не играли в баккара? Не проиграли ли вы там тысячу восемьсот франков?

– Виноват, господин следователь, – всего только тысячу сто франков.

– Пусть будет так. Утром в день преступления вы уже заплатили тысячефранковый билет.

– Да.

– Кроме того, пятьсот франков у вас было в письменном столе и четыреста оказалось в вашем кошельке в момент вашего ареста. Таким образом, в ваших руках в течение каких-нибудь двадцати четырех часов обернулось четыре тысячи пятьсот франков...

Проспер не оробел, но был поражен. Он не сомневался в могуществе парижской тайной полиции, но такие обширные сведения, добытые в такой короткий срок, поставили его в тупик.

– Ваши сведения совершенно достоверны... – сказал он наконец.

– Откуда вы взяли эти деньги, когда накануне только не могли их уплатить? – продолжал допрос Партижан.

– При участии одного биржевого маклера я продал кое-какие ценные бумаги на сумму около трех тысяч франков. Кроме того, я взял из кассы в счет своего жалованья две тысячи франков. Мне нечего скрывать от вас.

– А если вам нечего скрывать, то почему же вот эта самая записка, – и Партижан показал записку к Жипси, – так таинственно была передана вами одному из ваших сослуживцев?

На этот раз удар был нанесен метко. Под взглядом следователя Проспер опустил глаза.

– Я думал... – пробормотал он. – Я хотел...

– Вы хотели скрыть свою любовницу!

– Да! Да, это верно! Я знал, что при обвинении такого человека, как я, все мои слабые стороны, все мои малейшие недостатки будут раздуты в тяжкую преступность.

– Иначе говоря, вы поняли, что присутствие у вас женщины даст большие поводы к вашему обвинению. Вы живете с этой дамой?

– Я еще молод, господин судебный следователь...

– Довольно! Человек, хоть сколько-нибудь уважающий себя, не станет жить с такою дрянью. Значит, вы настолько пали, что снизились до нее.

– Милостивый государь!..

– Вероятно, вы знаете, что это за дама?

– Госпожа Жипси до знакомства со мной была учительницей. Она родилась в Порто и приехала во Францию вместе с одной португальской семьей.

Следователь пожал плечами.

– Ее имя вовсе не Жипси, – сказал он. – Она никогда не была учительницей и никогда не была родом из Португалии.

Проспер хотел возражать, но Партижан раскрыл лежавшее перед ним дело и начал читать.

– Вот послушайте, – сказал он. – Пальмира Шокарель, родилась в Париже в тысяча восемьсот сороковом году от Жака Шокареля, приказчика из похоронных процессий, и от его жены Каролины. Двенадцати лет Пальмира Шокарель была помещена в учение к башмачнику и оставалась у него до шестнадцати. Далее за целый год справок о ней не имеется. Семнадцати лет она поступила в качестве горничной к супругам Домбас, занимавшимся бакалейной торговлей на улице Сен-Дени, и прожила у них три месяца. За этот год она переменяла восемь или десять мест. В пятьдесят восьмом году она поступила уже в качестве бонны к одному торговцу веерами в пассаже Шуазель. В конце этого года девица Шокарель поступила на службу к госпоже Нюнэ и отправилась с нею в Лиссабон. Сколько времени она оставалась в Португалии и что там делала? Об этом у меня сведений нет. Наконец в шестьдесят первом она снова появилась в Париже, но тотчас же и была посажена на три месяца в тюрьму. Свое имя – Нина Жипси – она действительно привезла с собой из Португалии.

– Но я вас уверяю... – хотел было возразить Проспер.

– Да, я понимаю, – продолжал следователь, – что эта история гораздо менее романтична, чем та, которую она рассказала вам сама. Ну-с, по выходе Пальмиры Шокарель, или так называемой Жипси, из тюрьмы мы теряем ее из вида, и находим ее вновь только через полгода пристроившейся к некоему приказчику Кальдасу, который пленился ее красотой и устроил ей меблированную квартиру недалеко от Бастилии. Она жила с ним и носила его имя до тех пор, пока не сошлась с вами. Слышали ли вы когда-нибудь об этом Кальдасе?

– Ни разу в жизни...

– Этот несчастный был так в нее влюблен, что, когда она бросила его, сошел с ума от печали. А это был человек полный энергии, неоднократно клявшийся при всех, что убьет того, кто у него ее похитит. Можно полагать, что с тех пор он уже покончил самоубийством. По уходе девицы Шокарель он распродал обстановку и скрылся неизвестно куда. Несмотря на все усилия, найти его не удалось. Вот женщина, с которой вы живете и ради которой вы совершили воровство!..

Партижан ожидал, что Проспер, задетый за живое, издаст крик отчаяния. Однако же тот молчал. Из всего того, что сказал ему следователь, в его голове засело только имя этого несчастного приказчика Кальдаса, покончившего самоубийством.

– Итак, – настаивал Партижан, – вы признаете, что эта женщина погубила вас?

– Я не могу признать этого, – отвечал Проспер, – потому что это не так.

– Тем не менее она была причиной больших издержек с вашей стороны. Вот смотрите. – Он вытащил из дела счет. – За один только минувший декабрь вы уплатили за нее портному Клопену: за два туалета для прогулки – девятьсот франков, за платье для вечеров – семьсот франков, за домино из кружев – четыреста франков...

– Все это я уплатил вполне добровольно, свободно, без всякого понуждения с ее стороны.

Партижан пожал плечами.

– Вы идете против очевидного факта, – сказал он. – Неужели вы станете отрицать, что ради этой девушки вы изменили даже свои привычки и перестали бывать у вашего патрона?

– Это не из-за нее, уверяю вас.

– Тогда почему же вы так сразу, вдруг, порвали отношения с домом, где, казалось, у вас был роман с молодой девушкой, рука которой вам была уже почти обещана? Мне рассказал об этом господин Фовель, да и сами вы писали об этом своему отцу...

– Я имею на это основания, о которых не могу сообщить, – отвечал Проспер дрожащим голосом.

– Значит, вас отстранила сама Мадлена? – продолжал следователь.

Проспер молчал. Он был, видимо, взволнован.

– Говорите же! – настаивал Партижан. – Должен вас предупредить, что именно эта подробность имеет очень серьезное значение в вашем процессе.

– Я буду молчать, даже если бы от этого погиб!

– Ну, берегитесь! С юстицией не шутят!

Партижан помолчал. Он ожидал ответа, но его не последовало.

– Вы упорствуете? – продолжал Партижан. – Отлично! По вашим словам, за последний год вы издержали пятьдесят тысяч франков. По нашим сведениям – семьдесят тысяч. Но возьмем вашу цифру. Ваши ресурсы пришли к концу, ваш кредит исчерпан, продолжать такую жизнь, какую вы вели, не на что. Что вы предполагали делать дальше?

– Я не думал об этом, – отвечал Проспер. – Я руководствовался правилом «живи, пока живется», а потом...

– А потом можно приняться и за кассу?

– Э, милостивый государь, – воскликнул Проспер. – Если бы я был виновен, разве бы я сейчас был здесь? Разве бы я вернулся снова к кассе? Я предпочел бы убежать...

Партижан усмехнулся.

– Поезд идет скоро, – отвечал он, – но телеграф действует еще быстрее. Бельгия под боком, а в Лондоне французского вора находят на пари за двадцать четыре часа. Америка – тоже плохое убежище. Вы для этого достаточно благоразумны. Вы остались в Париже и сказали себе: «Возвращусь-ка я лучше к кассе; а если я и попадусь, то, отсидев три или пять лет в тюрьме, все-таки по выходе буду богат». Очень многие люди, сударь, жертвовали пятью годами своей жизни из-за трехсот пятидесяти тысяч франков.

Проспер подумал, точно желая на это возражать.

– Господин следователь, – обратился он к Партижану. – Есть одна маленькая подробность, о которой я впопыхах забыл упомянуть. Она пришла мне сейчас на память и может послужить мне в защиту.

– Говорите.

– Деньги из банка принес мне артельщик, которого мы туда посылаем всегда. Мне было некогда, и я собирался уже уходить, когда он пришел с деньгами. Я уверен, отлично помню, что прятал деньги именно при нем. Ах, если бы он это заметил! Во всяком случае, я ушел из кассы раньше, чем он.

– Отлично, – сказал Партижан. – Мы его допросим. А теперь отправляйтесь в тюрьму, и предупреждаю вас: подумайте!

Проспера увели, а Партижан поехал в больницу, где лежал артельщик Антонин, так некстати сломавший себе ногу. Он тяжело страдал, но все-таки мог давать ответы. Партижан подсел к его кровати, а Сиго со своими бумагами поместился у маленького столика.

– Мой друг, – обратился следователь к Антонину, – чувствуете ли вы себя настолько хорошо, чтобы давать мне показания?

– Так точно, сударь.

– Это вы были посланы в банк за теми тремястами пятьюдесятью тысячами франков, которые после исчезли?

– Так точно.

– В каком часу вы вернулись?

– Довольно поздно. Было уже пять часов, когда я вернулся к себе в банкирскую контору.

– Не припомните ли вы, что сделал господин Бертоми, когда вы вручили ему деньги? Не старайтесь отвечать сразу, припомните хорошенько...

– Позвольте... Мне припоминается, что сначала он сосчитал деньги, потом разделил их на четыре пакета, затем положил в кассу, а потом... потом он запер кассу, и... да, да... я отлично это помню... он ушел!

– Вы это твердо помните? – спросил его судебный следователь.

– Твердо!.. Да я дам голову на отсечение!

Трудно было настаивать на более точном ответе, и Партижан счел возможным оставить больного в покое.

– Вот это так важно! – говорил он дорогой Сиго. – Это очень, очень ценное показание!

Глава VI

Номера «Архистратига» на набережной Сен-Мишель, куда скрылась госпожа Жипси, содержала мадам Александра, жена Фанферло. В тот момент, когда Партижан отправился в госпиталь, чтобы допросить Антонина, мадам Александра приготавливала для мужа суп и очень удивлялась, что его так долго нет. Вернулся он домой довольно поздно.

– Как ты сегодня запоздал! – воскликнула она, бросившись к нему навстречу.

– Утомился! – отвечал Фанферло. – Целый день играл на бильярде с Эваристом, лакеем Фовеля. Дал ему обыграть себя. Третьего дня я только познакомился с ним, а сегодня уже мы с ним большие приятели. Если бы теперь я захотел поступить к Фовелю на место Антонина, то мог бы рассчитывать на протекцию Эвариста.

– Как! Ты хочешь поступить в артельщики? Ты?...

– Да, если понадобится поближе все узнать у Фовеля и получше изучить всех, кто меня интересует.

– Разве лакей тебе ничего не сообщил?

– Ничего такого, что могло бы для меня быть полезным, а между тем я располагаю им вполне. Этот банкир какой-то невиданный человек! Эварист говорит, что у него нет никаких пороков, никаких грехов. Он не курит, не пьет, не играет, не содержит любовниц. Какой-то святой! Он миллионер, а тратит на себя так мало, как какой-нибудь лавочник. Он влюблен в свою жену, обожает детей. Он часто принимает у себя, но очень редко выезжает сам.

– А его жена молода?

– Лет под пятьдесят.

– А из кого еще состоит семья?

– Один сын – офицер, не знаю в каком полку, об этом не разговаривали. Очень еще молодой. Другой, Люсьен, живет с родителями, хоть он и старший, а, говорят, скромн, как девица.

– Ну а что сама барыня и та ее племянница, о которой ты мне говорил?

– На этот счет Эварист не мог мне ничего ответить.

Госпожа Александра повела плечами.

– Знаешь, что я сделала бы на твоём месте? – спросила она.

– Говори.

– Я посоветовалась бы с Лекоком.

При этом имени Фанферло вздрогнул так, точно над ухом у него выстрелили из пистолета.

– Хорош совет! – воскликнул он. – Ты, вероятно, хочешь, чтобы меня погнали со службы? Стоит только Лекоку усомниться в правильности моих действий, и я пропал.

– А кто тебя заставляет выкладывать перед ним все свои планы? Можно спросить его совета в совершенно индифферентной форме.

Сыщик подумал.

– Может быть, ты и права, – сказал он. – Только Лекок дьявольски хитер, и его не проведешь. Хорошо, я подумаю, увижу... А что наша жиличка?

– Жипси? – переспросила госпожа Александра. – Возбуждена до крайности. Хотела даже пойти устроить Фовелю скандал. А потом раздумала, написала письмо и приказала Жану опустить его в почтовый ящик. Но я перехватила его, чтобы показать тебе.

– Как! – воскликнул Фанферло. – У тебя письмо, и ты до сих пор ничего мне не скажешь о нем? Да ведь в нем, быть может, все решение загадки? Давай его сюда скорее!

Мадам Фанферло отперла комод и достала из него письмо Жипси.

– На! – сказала она. – Ешь его!

На письме был написан следующий адрес: «Господину Кламерану, владельцу рудников. Гостиница „Лувр“ Передать господину Раулю Лагору (очень нужно)».

– Вот так штука! – воскликнул Фанферло.

– Ты хочешь его распечатать? – спросила Александра.

– Немножко, – отвечал ей муж и с удивительным искусством стал отламывать от письма печать.

И они принялись за чтение:

«Господин Рауль!

Проспер сидит в тюрьме по обвинению в краже, которой он не совершал, я убеждена в этом. Вот уже три дня, как я пишу вам об этом...»

– Как! – воскликнул Фанферло. – Эта дура пишет уже не в первый раз и я не видал ее писем?

– Весьма возможно, что она опускала их в ящик сама, – отвечала Александра.

– Очень возможно... – подтвердил и Фанферло и успокоился.

Чтение продолжалось:

«...пишу вам об этом и не получаю от вас ответа. Кто же придет на помощь Просперу, если его покидают даже его лучшие друзья? Если вы оставите без ответа и это письмо, то я буду считать себя свободной от известного вам обещания и сообщу Просперу о том разговоре, который происходил между мною, вами и господином Кламераном. Я буду ожидать вас послезавтра в гостинице „Архистратиг“ в 4 часа пополудни.

Нина Жипси».

Ни слова не говоря, Фанферло снял с этого письма копию.

– Ну-с, что ты на это скажешь? – спросила его Александра.

Фанферло тщательно вложил письмо в конверт и запечатал его. В это время дверь неожиданно отворилась и в ней показался мальчишка.

– Тсс!.. Тсс!.. – предостерег он два раза.

С поразительной быстротой Фанферло скрылся в кабинете, в который вела дверь из столовой. Тотчас же в комнату вошла Жипси.

– Как, дорогое дитя мое! – воскликнула с удивлением госпожа Фанферло. – Вы уходите?

– Да, по делам. Я убедительно прошу вас, если кто-нибудь ко мне придет, попросите его подождать меня.

– Но куда вы идете? В такой час и такая больная?

Жипси с минуту помедлила.

– Ах, – сказала она наконец. – Вы так добры ко мне, что от вас я ничего не скрою. Сейчас посыльный принес мне вот эту записку. Прочтите ее.

– Как! – воскликнула в изумлении Александра. – Посыльный?

– Что ж тут удивительного? – спросила Жипси.

– Нет, так... ничего...

И громким голосом, так, чтобы ее слышал муж в кабинете, госпожа Фанферло стала читать записку:

– «Друг Проспера, который не может ни принять вас у себя, ни лично побывать у вас, должен нечто вам сообщить. Сегодня вечером, в понедельник, как только пробьет девять часов, будьте в бюро омнибусов, которое находится против башни Святого Иакова. К вам подойдет написавший эти строки и передаст вам то, о чем должен вам сказать».

– И вы отправляетесь на это свидание? – воскликнула Александра.

– Конечно.

– Но ведь это очень неблагоприятно, это сумасшествие! Быть может, это для вас западня!

– Ну что ж такое? Я так несчастна, что мне нечего бояться!

И не успела она выйти на улицу, как Фанферло выскочил из своей засады.

– Черт побери! – закричал он. – Что же это у нас за проезжий дом, в котором можно появляться разным рассыльным, точно у себя на площади! Виданное ли это дело! Входит рассыльный, и его никто не замечает! И ты тоже хороша! Вздумала предостерегать эту змею от этого свидания! Разве ты не понимаешь, что я должен знать все, что она от нас скрывает? Помоги мне одеться, а то она меня узнает!

И в одно мгновение, надев парик и нацепив густую бороду, Фанферло стал неузнаваем. Затем он быстро надел блузу и стал походить на одного из тех рабочих, которые вечно просят работы и которым никто ее не дает.

– Не забудь захватить свой открытый лист и кистень!

– Нет, нет... А письмо этой несчастной все-таки опустите в почтовый ящик! До свидания!

И он исчез.

Жипси находилась от него уже на расстоянии восьми или десяти минут, но он ловко выследил ее и пошел за нею. На площади Шатле она сделала два или три тура, прочитала театральные афиши, посидела с минуту на скамье и, наконец, без четверти девять отправилась в бюро омнибусов. Жипси поместилась в дальнем углу, в тени. В бюро толпилось много народу. Люди входили и выходили, выкрикивались номера, и происходила раздача корреспонденции.

Наконец на городской думе пробило девять часов, и в бюро вошел какой-то господин. Не осведомляясь в кассе о доставшемся ему номере места в омнибусе, он подошел прямо к Жипси, поздоровался с ней и сел рядом.

Это был не толстый и не худой господин, высокого роста, с рыжей бородой, не представлявший собою ничего интересного и ничем не отличавшийся от других.

Фанферло уставился на него во все глаза. К несчастью, он не мог ничего услышать из того, о чем они говорили. Все, что ему оставалось сделать, это только догадываться о предмете их разговора по их жестам и по игре их физиономий.

«Экий я идиот! – злился на себя Фанферло. – Занять место так далеко!» И он уже хотел как-нибудь тайком приблизиться к ним, как вдруг высокий господин поднялся с места, подал руку Жипси, которая без церемоний взяла ее, и они вместе направились к выходу.

Подойдя к двери, Фанферло увидал, что высокий господин и Жипси недалеко от бюро омнибусов наняли извозчика и сели в фиакр.

– Превосходно! – пробормотал Фанферло. – Теперь уж они от меня не уйдут. Нечего торопиться!

Фиакр поехал к Севастопольскому бульвару. Он продвигался вперед довольно быстро, но для Фанферло это ничего не значило. Широко расставив локти и еле сдерживая дыхание, он побежал за ним вслед. Однако же, добежав до бульвара Сен-Дени, он стал задыхаться и почувствовал легкую боль в боку, а фиакр тем временем уже въезжал на улицу Форбур-Сен-Мартен. Тогда Фанферло уцепился за его рессоры и примостился на его оси. Здесь было очень неудобно, но он уже не стал рисковать собою, чтобы не потерять из вида фиакр.

– Однако! – усмехнулся он себе в фальшивую бороду. – Хлесткий извозчик!

Наконец экипаж остановился около какого-то кабачка, извозчик слез с козел и пошел выпить.

Сыщик покинул свое неудобное место и, притаившись за дверью, приготовился бежать вслед за высоким господином и Жипси, как только они вылезут из экипажа.

Но прошло пять минут, а они все еще не вылезали.

«Что они там делают?» – подумал сыщик.

И он подкрался к карете и заглянул исподтишка в окно.

Какая подлость! Карета была пуста.

Точно ушат холодной воды сразу вылили на Фанферло. Он остановился как вкопанный и окаменел, как жена Лота.

– Ах, черт возьми! – воскликнул он. – Удрали! Ну, хорошо же!

И он стал быстро соображать, что произошло.

– Очевидно, – пробормотал он, – этот индивидуум и Жипси вошли в одну дверцу кареты, а вышли в другую. Маневр самый элементарный. Но несомненно, что они его задумали еще раньше, так как ожидали погони. А если они боялись погони, то, значит, у них нечиста совесть. Следовательно...

Но тут ему пришла мысль допросить обо всем извозчика. Наверное, ему кое-что известно.

К несчастью, извозчик был очень выпивши и отказался говорить наотрез и так многозначительно помахивал кнутом, что Фанферло счел более благоразумным ретироваться.

Что теперь оставалось ему делать? Вся изобретательность покинула его. Печальный, побрел он домой, и было уже около полуночи, когда он позвонил в свою квартиру.

– Жипси вернулась? – спросил он первым делом.

– Нет, но откуда-то ей принесли два громадных свертка.

Фанферло принялся обшаривать эти свертки. В них находились три костюма, большие сапоги, простые юбки и чепцы.

Сыщик не мог удержаться от негодования.

– Что ж это такое? – воскликнул он. – Она хочет наряжаться? Теперь уж и я теряюсь!

И еще долгое время муж и жена разговаривали об этом приключении, рассматривая дело со всех сторон, изучая его и стараясь найти ему возможное объяснение. Они решили не укладываться спать до тех пор, пока не вернется Жипси, от которой мадам Александра надеялась добиться хотя бы каких-нибудь разъяснений.

Но вернется ли она? Это был еще большой вопрос!

Однако же Жипси вернулась во втором часу ночи. Едва только раздался ее звонок, как Фанферло моментально исчез в своем кабинете и его жена осталась одна.

– Наконец-то! – воскликнула она. – Вот и вы, дорогое, мое дитя! Ну как? Все благополучно? Я так о вас беспокоилась!..

– Благодарю вас за ваше участие ко мне... – отвечала Жипси. – Мне ничего не принесли?

Она вернулась совсем другою, чем ушла из дому: она казалась печальной, но уже не угнетенной, как прежде. После протрации первых дней твердая и бесповоротная решимость сквозила во всей ее фигуре, и глаза засветились блеском.

– Вот принесли вам откуда-то свертки, – отвечала Александра... – Видели вы господина Бертоми?

– Да, и он так успокоил меня, что завтра же, к сожалению своему, я должна с вами распрощаться... Я уезжаю.

– Завтра! – воскликнула госпожа Фанферло. – Разве что-нибудь случилось?

– Ничего такого, что может вас интересовать.

И, отвернув газовый рожок, Жипси многозначительно пожелала ей спокойной ночи и ушла к себе.

– Что ты думаешь об этом? – спросил жену Фанферло, вынырнув из своей засады.

– Что-то невероятное! Сама же зовет сюда на свидание Кламерана и вдруг не желает его дожидаться.

– Очевидно, она теперь презирает нас, она узнала, кто я такой!

– Вероятно, ее просветил в этом ее миленький кассир.

– Ну, кто знает! Я уже начинаю плохо верить в себя.

– Послушайся ты меня, сходи к Лекоку!

Фанферло подумал.

– Ладно! Будь по-твоему! – сказал он. – Я пойду к нему, но только единственно для успокоения совести, потому что где я ничего не вижу, там и он ничего не увидит.

Сыщик плохо спал всю эту ночь или, лучше сказать, не спал вовсе, занятый обдумыванием дела Бертоми, как драматург своей пьесой. Так как Лекока можно было застать только рано утром, то он встал в половине седьмого, наскоро выпил чашку кофе и отправился к знаменитому сыщику.

Ему отворил слуга Лекока, Жануиль, бывший каторжник, вооруженный карабином, преданный своему господину больше, чем собака пастуху.

– Что ж вы тут приросли, что ли? – обратился он к Фанферло. – Входите! Барин занимается в кабинете.

Посреди большой комнаты, довольно странно мебелированной, представлявшей собою не то студию ученого, не то уборную актера, сидел за письменным столом тот самый господин в золотых очках, который в кулуарах судебного следствия сказал Просперу Бертоми: «Бодритесь».

Это и был знаменитый сыщик Лекок.

При входе почтительно приближавшегося к нему Фанферло он быстро поднял голову, положил перо и сказал:

– Наконец-то! Небось дело Бертоми не двигается вперед?

– Как? – прошептал Фанферло. – Вам известно...

– Мне известно только то, что ты мастер запутывать дела так, что и сам-то в них после не разберешься.

– Позвольте... Ведь я же...

– Молчи. Ты должен был знать, что в тот самый день, когда тебя пригласил полицейский комиссар исследовать кражу, ты должен был установить, чьим именно ключом, банкира или кассира, была отперта касса.

– Как же это было сделать?

– Ты желаешь объяснений? Изволь. Вспомни-ка о той царапине, которая так привлекла твое внимание на дверце кассы! Она поразила тебя так, что ты не мог удержаться при виде ее от восклицания. Ты тщательно рассматривал ее в лупу и убедился, что эта царапина – свежая, недавняя. Ты признал, и не без основания, что она сделана в момент кражи. Но чем она была сделана? Несомненно, ключом. Поэтому необходимо было тогда же тщательно исследовать оба ключа. На одном из них непременно должны были бы оказаться следы той зеленой краски, в которую выкрашена касса.

Фанферло выслушивал это объяснение, широко разинув рот. При последних словах он звонко ударил себя по лбу и воскликнул:

– Ах я дурак!

– Да, ты дурак! – продолжал Лекок. – Эта же улика сама бросалась тебе в глаза, и ты пренебрег ей и не вывел из нее никакого заключения! А это – самая верная и единственная отправная точка во всем этом деле. И если я найду виновного, то только благодаря именно этой царапине, и я его найду, я хочу этого!

– Значит, вы тоже ведете это дело, патрон? – спросил его Фанферло.

– Может быть. Сядь и расскажи мне все!

С Лекоком нечего было хитрить, и никакие экивоки не привели бы ни к чему. И Фанферло чистосердечно рассказал ему всю правду, что с ним очень редко случалось. Однако в конце рассказа он из суетности покривил душой и умолчал о том, как накануне его провели Жипси и высокий господин.

– Кажется, ты кое-что позабыл, – обратился к нему Лекок. – До каких пор ты следовал за пустой каретой?

Несмотря на свой апломб, Фанферло покраснел до ушей и, как школьник, опустил глаза.
– Как? – прошептал он. – Вам и это известно? Как же вы могли?...

Но вдруг внезапная идея осветила его мозг, он остановился, вскочил со стула и закричал:
– Понимаю!.. Этот высокий рыжий господин – это были вы?

От удивления лицо Фанферло приняло такое странное выражение, что Лекок засмеялся.
– Да, это были вы! – повторил пораженный сыщик. – Вы были этим высоким господином, который мозолил мне глаза и в котором я все-таки вас проморгал! Ах, какой вы удивительный актер, если бы вы знали! А я... я только клоун, и больше ничего!

– А знаешь ли ты, что нужно делать, чтобы тебя никто не узнал? Ты думаешь, что главное – это широкая борода и блуза? Как бы не так! А твои глаза, несчастный! Прежде всего изменяй выражение твоих глаз. В этом весь секрет.

Так вот почему Лекок, у которого глаза были быстрее, чем у рыси, всегда появлялся в официальных местах не иначе, как в золотых очках!

– В таком случае, – обратился к нему Фанферло, – вам, вероятно, известно и то, почему именно Жипси покидает номера «Архистратига», почему она не желает больше свидания с Кламераном и зачем именно ей понадобились костюмы?

– Она поступает так по моему совету.

– В таком случае мне остается только одно удовольствие – это признать себя дураком.

– Нет, нет, – возразил мягким тоном Лекок, – ты не совсем еще дурак. Ты только виноват в том, что взялся за дело, которое тебе не по силам. Ну, подвинул ли ты следствие вперед хоть на один шаг? Нет! А все это оттого, что у тебя не хватает хладнокровия. Прими же от меня в подарок один афоризм, запомни его, и пусть он послужит тебе на пользу: «Кто желает быть первым, пусть будет последним».

– Значит, вам известен уже и виновный?

– Столько же, сколько и тебе, даже меньше: ты уже составил себе хоть какое-нибудь убеждение, а я до сих пор не имею никакого. Ты утверждаешь, что виновен не кассир, а сам банкир, а я даже не берусь сказать тебе, прав ты или не прав. Я взялся за дело уже после тебя и сделал в нем только первые шаги. Я уверен, что самое главное в нем – это одна только царапина на дверце кассы. Вот и все мое убеждение!

Лекок взял со стола сверток, развернул его и разложил перед собою массу рисунков. На одном из них была сфотографирована дверца кассы. Все мельчайшие подробности ее были воспроизведены с громадной точностью. Сразу можно было узнать пять подвижных кнопок с выгравированными на них буквами и узкую замочную скважину, выступавшую бугорком на дверце. Царапина была воспроизведена с замечательной чистотой отделки.

– Вот наша царапина, – указал Лекок. – Она идет сверху вниз, от самой скважины, по диагонали, и – заметь это – слева направо, то есть, другими словами, со стороны двери, ведущей к потайной лестнице из апартаментов банкира.

– Это совершенно верно, – отвечал Фанферло.

– Конечно, ты думаешь, что эту царапину сделал автор кражи? Посмотрим, прав ли ты. У меня есть маленькая железная касса, выкрашенная так же, как и у Фовеля, в зеленую краску. Вот она. Возьми ключ и попытайся-ка ее исцарапать.

Сыщик немедленно повиновался приказанию и с силою стал проводить по краске ключом.

– Черт возьми! – воскликнул он после двух или трех раз. – Краска-то не поддается!

– Совершенно верно. Следовательно, та царапина была сделана не дрожавшею рукою вора, который не попал, как ты думаешь, в скважину ключом, а кем-то другим.

– Вот так история! – воскликнул пораженный Фанферло. – А мне это даже и в голову не приходило, что кем-то другим.

– Чего тебе! Я и то ломал голову над этим целых три дня и только вчера лишь догадался! Теперь давай вместе исследуем, правильны ли мои предположения, чтобы считать их отправной точкой в моих исследованиях.

И, оставив фотографию, он подошел к двери, которая вела из его кабинета в спальню, достал ключ и сжал его в пальцах.

– Подойди сюда, – обратился он к Фанферло. – Стань здесь, сбоку от меня... так. Предположим теперь, что я желаю отпереть эту кассу, а ты хочешь, чтобы я ее не отпирал. Когда я коснусь ключом скважины, что ты сделаешь первым делом инстинктивно?

– Я схвачусь обеими руками за вашу руку и быстро потащу ее к себе, чтобы вы не попали в замок ключом.

– Совершенно верно. Давай-ка сделаем репетицию!

Фанферло повиновался и ключ который Лекок уже держал у скважины, отдернутый в сторону, скользнул по дверце и провел по ней черту точь-в-точь такую же, как и на кассе Фовеля, сверху вниз и по диагонали справа налево, в том самом виде, как это было указано на фотографии.

– Так, так... – удивился Фанферло.

– Теперь ты понимаешь?

– Понял! Теперь уж поймет и грудной младенец. Ах, какой вы удивительный человек! Точно вы там были сами! Итак – один воровал, а другой удерживал его от этого воровства. У кассы было двое лиц, это так ясно, так очевидно, что теперь уж я и сам убежден...

– Ну а как ты думаешь, какие могут быть последствия от этого предположения?

– Мое чутье не обмануло меня: кассир невиновен.

– Почему?

– Потому что кто ему может помешать открывать кассу, когда ему вздумается? Станет он приглашать свидетеля присутствовать при краже! Как же!

– Совершенно справедливо. Но в таком случае невиновен и банкир! Сообрази-ка хорошенько!

Фанферло подумал, и все его одушевление исчезло.

– Это верно, – сказал он тоном горького разочарования. – Это верно. Но что же теперь нам делать?

– Искать третьего воришку, который теперь расхаживает на свободе.

– Но ведь это же невозможно, невозможно! Ведь только Фовель и его кассир имели ключ, да и то с ним не расставались никогда.

– Извини, пожалуйста, но накануне кражи ключ банкира лежал у него в письменном столе.

– Одного ключа мало, надо было еще знать слово.

– А какое это было слово?

– Жипси.

– Да ведь это имя любовницы кассира! Пожалуйста, подумай получше! В тот день, когда ты найдешь человека, достаточно расположившего к себе Проспера, чтобы выведать от него это слово, и настолько принятого в семье Фовеля, чтобы проникнуть к нему в спальню, – в тот самый день преступник будет у тебя в руках и загадка будет решена.

Эгоист, как и все великие артисты, Лекок не любил ни у кого учиться и не нуждался ни в чьих услугах. Он работал на свой страх, не выносил сотрудников и не желал делиться с ними ни радостями триумфов, ни горестями поражений.

И Фанферло казалось странным, что Лекок, которого он знал так хорошо, обращается к нему не с приказаниями, а с советом.

– Можно подумать, – сказал он, – что в этом деле замешан ваш личный интерес.

Лекок нервно вздрогнул.

– Что это за тон! – строго спросил он. – Кажется, господин Фанферло сует свой нос дальше, чем следует?

Фанферло стал подыскивать извинения.

– Ладно, ладно! – перебил его Лекок. – Я буду головой, а ты руками. Один, с твоими предвзятыми идеями, ты никогда не отыщешь вора. Будем работать вместе, и мы его найдем, – пусть буду я не Лекок!

– Да уж стоит только вам приняться за дело!

– Я уже принялся за него, и вот уже четвертые сутки, как я кое-что узнал. Только помни: у меня есть свои соображения на то, чтобы не выступать в этом деле открыто. Что бы ни случилось, я запрещаю тебе упоминать мое имя. Если мы поймаем вора, успех этот будет принадлежать только тебе. Кроме того, не суйся ты с носом, куда тебя не спрашивают, и довольствуйся только одними моими указаниями.

– Я буду скромн...

– Рассчитываю на это. Для начала же возьми вот эту фотографию кассы и снеси ее к судебному следователю. Ты ему объясни все, точно от себя лично, повтори перед ним в лицах всю ту комедию, которую мы сейчас с тобой разыграли, и – я убежден – он отпустит кассира на волю. Чрезвычайно важно, чтобы Проспер находился на свободе, так как с него-то я и начну свои операции.

Сияя от радости, Фанферло свернул фотографию, взял шляпу и приготовился уже уходить, как Лекок жестом остановил его.

– Я еще не кончил, – сказал он. – Умеешь ты править и ходить за лошадьми?

– Что вы спрашиваете? Да ведь я же раньше служил в цирке Бутора!

– Ну, вот и отлично! Как только отпустит тебя судебный следователь, так ты со всех ног беги домой, переоденься в костюм хорошего слуги и задержишься и вот с этим письмом отправляйся в контору для найма прислуги, что на углу улицы Делорм... Там тебе дадут место у Кламерана, который ищет себе человека. У него там кто-то получил расчет...

– Виноват, осмелюсь доложить, что вы отступаете от вашего плана. Кламеран, по-видимому, не имеет с этим делом ровно никакой связи, он не друг кассира...

– Делай, что тебе приказывают. Кламеран – не друг Проспера, это верно; но он друг и покровитель Рауля Лагора. А откуда эта дружба? Откуда взялась эта интимность отношений между такими двумя людьми, как эти юноша и почти старик? Это-то и надо разузнать. Надо узнать также и то, почему именно этот владелец коней околачивается здесь в Париже, а не торчит там у себя на заводах? Через тебя я все это узнаю. Он держит лошадей, ты будешь у него кучером, и тем не менее ты должен узнать все про его отношения и о малейших подробностях мне доносить. Еще одно слово. Кламеран – человек очень доступный, но и страшно подозрительный. Ты явишься к нему под именем Жозефа Дюбуа. Он потребует от тебя рекомендаций. Вот три, в которых говорится, что ты служил сперва у маркиза, потом у графа, а затем у барона. Скажешь, что с последнего места ты ушел только потому, что барон уехал в Германию.

– А куда я должен являться с донесениями?

– Я буду сам каждый день приходить к тебе. Впредь до новых моих распоряжений и носа не показывай сюда: он может следить за тобой. Если случится что-нибудь непредвиденное, то телеграфируй жене, а она даст мне знать. Ну, иди... и будь умник!

Как только Фанферло вышел за дверь, Лекок тотчас же бросился к себе в спальню. В мгновение ока он сбросил с себя широкий галстук, золотые очки и, дав свободу своим черным волосам, стал совсем не тем, кем был в официальных отношениях с сослуживцами. Официальный Лекок превратился в Лекока настоящего, которого не знала еще ни одна живая душа на свете: красивый быстроглазый малый с умным, энергичным лицом.

Но он недолго оставался таким. Усевшись за туалетным столом, уставленным разными пастами, эссенциями, румянами и накладками, не хуже, чем у современной барышни, он при-

нялся за приготовление из себя совсем нового лица. И когда он окончил, то это был уже не Лекок, это был тот самый высокий господин с рыжими бакенами, которого не узнал Фанферло.

А Фанферло тем временем не тратил времени попусту. От радости он не бежал, а летел. Наконец-то он мог доказать судебному следователю свою высшую проницательность! И он не обманулся в своих надеждах. Если следователь и не был в нем вполне убежден, то, во всяком случае, он оценил его находчивость в объяснении царапины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.